У23
557

Р. Прский.

ДОНЕЦКИЙ БАССЕЙН.

МОСКВА.
1913

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 34687 1963

Четвертая Государственная типография, Петроград, Фонтанка, 57.

ДОНЕЦКИЙ БАССЕЙН.

I. Общие условия.

Все силы и все внимание Советской России и самых широких слоев пролетарского и крестьянского населения привлекаются сейчас к борьбе за обладание донецким бассейном. От успехов на южном-донецком и украинском—фронте зависит будущее положение России и ближайшие промышленные и производственные перспективы.

Донецкий бассейн расположен на юге России и занимает весьма удобное положение: он граничит с Волгой, с Доном и с Азовским морем. Он обладает удобными путями сообщения, которые связывают его с центральной Россией и с заграницей. Вследствие этого он уже давно приобрел серьезное значение для промышленной и хозяйственной жизни страны. Донецкий бассейн обладает весьма значительными естественными богатствами, разработка которых началась в начале 19 столетия и шла, постепенно усиливаясь.

Донецкий бассейн очень богат углем и металлом, и это ставит его на первое место среди других промышленных районов России. Кроме того он имеет достаточное количество продуктов питания, которыми может располагать не только для нужд населения, живущего на его территории, но некоторое количество он может уделить для вывоза в центральную Россию, что облегчается крайне удобными условиями транспорта.

II. Запасы и добыча угля.

В жизни каждой страны исключительную роль играет уголь и металл. Это—основные элементы, на которые опирается всякая промышленность. Чем больше этих богатств в какой-либо стране, тем быстрее и сильнее может развиваться ее жизнь и тем в конечном итоге она богаче. Пример западно-европейских стран показывает, что достаточное их снабжение углем является руководящим фактором в их производственной и промышленной жизни. Промышленная жизнь каждой страны обычно раз-

вивается в тех местностях, где имеется уголь и металл и особенно их взаимное сочетание, например, в Германии, в ее вестфальском бассейне, в северной Франции, Англии, Америке и пр.

Донецкий бассейн характеризуется тем, что в нем имеются оба эти основные элемента, необходимые для развития всякой промышленности. В нем имеются столь значительные залежи угля, что значение этого бассейна для всей России абсолютно бесспорно. Запасы угля по районам России представляются в следующем виде. В донецком бассейне по подсчетам геологов имеется 55,5 миллиардов тонн угля, между тем как в остальных районах, включая и донецкий бассейн, имеется всего 70 миллиардов тонн, т. е. он имеет свыше 60% всего угля, находящегося в пределах России. Остальные районы, по богатству угля, являются сравнительно ничтожными и не могут иметь такого серьезного значения как Донецкий бассейн. В частности значительные залежи имеются еще только в Западной Сибири где по самым неточным подсчетам имеется около 13,5 миллиардов тонн угля. (Новейшие изыскания Л. И. Лутугина дают основание предполагать, что они значительно более).

Неудивительно, что при таких условиях в Донецком бассейне уже давно развилась добыча угля, причем Донецкая промышленность играла всегда решающую роль для всей России. Промышленность в Донецком бассейне развивалась сравнительно очень быстро. Темп ея роста выше, чем в других европейских странах. Действительно, в Англии с 1900 по 1911 года добыча угля увеличилась с 8,5 миллиардов пудов в год до 17,8 милл. п. т. е. в среднем в 2 раза. Германия за тот же промежуток времени увеличила добычу с 5,5 миллиардов пудов до 14,3 милл. п., а Донецкий бассейн 133 миллионов пудов до 1217 миллионов пудов, что равносильно увеличению добычи в 6,5 раз. Ни в одном из указанных нами государств добыча угля не увеличилась в столь значительной степени

В Донецком бассейне добываются двоякого рода угли: так называемые курные угли и антрациты, причем добыча и тех и других очень быстро увеличивалась. Так в 1902 г. добыча курных углей составляла 580 милл. пуд. и антрацитов 70 милл. п., через 10 лет, в 1911 г. добыча угля составляла 1033 милл. п., а добыча антрацита 184 милл. п., в 1913 г. соответственные цифры составляли 1300 милл. п. и 275 милл. п. Совет с'ездов горнопромышленников юга России, весьма сильная организация чисто капиталистического типа, руководившая производством, точно учитывавшая промышленные силы страны, предполагала в последующие годы довести добычу курных углей до 1800 милл. п. и антрацита до 600 милл. п.

Богатство Донецкого бассейна антрацитами несомненно будет иметь серьезное значение в будущем, так как только одна Великобритания имеет такого рода угли, при чем антрациты на английском рынке ценятся выше всех других видов ископаемого.

Залежи антрацитов расположены по соседству с Азовским морем, и потому можно предполагать, что вывоз их за границу может в значительной

стедня развиться в будущем при восстановлении торговых отношений с Европой.

Другой важной особенностью угольных богатств Донецкого бассейна является то, что среди всех разновидностей каменных углей, встречаемых на юге России *коксующиеся угли встречаются* реже всего. Запасы их, хотя и значительные, являются все же недостаточными по сравнению с теми запросами, которые пред'являются металлургической промышленностью юга России, и потому выдвигается необходимость крайне бережного обращения с ними в целях гарантирования сохранности будущего южно-русского доменного производства.

Донецкий бассейн является всегда центром по добыче угля всех сортов. Этим углем Россия пользовалась для железнодорожного и водного транспорта, для промышленных целей, для фабрик и заводов, разбросанных по всей территории и, наконец, в некоторых местах даже и для домового отопления. В силу этого требования, пред'являемые к угольной промышленности Донецкого бассейна, возрастали из года в год.

На всей территории России добыча угля производилась главным образом в 3-х районах: в Донецком бассейне, подмосковном и в Польше. Однако, добыча подмосковного бассейна была настолько незначительна, что он не играет почти никакой роли в промышленности. Кроме того подмосковный уголь отличается тем, что его нельзя перевозить на более или менее значительные пространства.

Добыча Польши составляла в нормальные годы около 400 мил. п. угля, каковой обслуживал потребности и запросы ее населения и промышленности. Угли эти почти совершенно не вывозились из пределов Польши, и потреблялись там же на месте. Наконец, в России имелось еще место, где производилась добыча угля,—это Урал и в частности его Кизеловские копи. Однако там добыча развита крайне слабо и не обслуживала даже части потребности горно-промышленного Урала.

Таким образом Донецкий бассейн с его добычей стоял на первом месте, и в абсолютных цифрах его добыча имела решающее значение для всей России. Действительно, сравним последовательно добычу 1913 года, довоенной России различных местностях, В это время добыча всех угольных районов составляла 2.199 мил. п. топлива. Из них на Донецкий бассейн приходится 1.543 мил. п., на Домбровский 426 мил. п., на Урал 73 мил. п., на подмосковный бассейн 18 милл. п., на Кавказ 4 милл. п., на Туркестан 8 мил. п., на Западную Сибирь 53 мил. п., Восточную Сибирь 71 милл. п., т. е. Донецкий бассейн давал свыше 70% всей добычи России. В связи с войной к Донецкому бассейну были пред'явлены особенно серьезные требования, с которыми он должен был справляться, так как иначе грозило военное поражение России. И действительно, добыча угля в Донецком бассейне в связи с войной усилилась: в 1914 г. добыча его составляла 1.683 милл. п., в 1915 г. 1.626 милл., в 1916 г. 1.743 милл. п., в 1917 г. 1.510 милл. п., в 1918 г. 530 милл. п., т. е. добыча угля по

сравнению с 1913 г. упала в 1918 г. больше чем втрое. В среднем помесячная добыча угля в Донецком бассейне выражалась в следующих цифрах; с 1913 по 1916 год: 108 милл. п.—140 милл. п.—135 милл. п.—145 милл. п.

Производство кокса продукта, необходимого для металлургии в Донецком бассейне, за это время колеблется вокруг цифры 270 милл. п. в год, а именно в 1913 г.—270 милл., в 1914 г.—278 милл., в 1915 г.—254 милл., в 1916 г.—271 милл. п. Это второй крайне важный продукт производства, имеющий особенное значение для металлургической промышленности юга России. Весь этот кокс полностью и потреблялся доменными печами металлургических заводов России.

Во время войны и все остальные районы, за исключением Польши, должны были развить свою работу, но даже, при условии значительнаго их развития они не могли играть сериозной роли для промышленности, и носили чисто подсобный характер. Так, например, увеличение добычи подмосковного бассейна до 40 милл. п. в год являлось лишь крайне незначительным подспорьем в топливном хозяйстве страны.

Остальные виды топлива, имеющиеся в России, играют серьезную роль, но, ни в коем случае их значение не может быть приравнено к Донецкому каменно-угольному топливу. Действительно, добыча нефти ежегодно в последнее время составляла около 560 милл. п., причем нефть применялась для железных дорог Кавказа и соседних с ним районов, а в количестве 40—50% шла для отопления Волжского флота. Все виды промышленности работали почти исключительно на угле и, в первую очередь, на угле Донецкого бассейна. Дрова, хотя и играли известную роль в топливном хозяйстве страны, но их роль была сравнительно ничтожна. Дрова употреблялись главным образом для отопления домов и частных предприятий, для крупной же промышленности и для железных дорог они имели лишь подсобное значение.

III. Работа Донецкого бассейна во время войны.

Во время войны Донецкий бассейн работал с особым напряжением сил и энергии. Технические условия работы в Донецком бассейне были всегда настолько несовершенны, что он не мог в достаточной степени развить своей добычи и своего производства, и в этом отношении стоял гораздо ниже западно-европейских стран.

Добыча угля отличается тем, что она требует целой системы подготовительных работ. Если эти подготовительные работы будут произведены в не достаточной степени, то добыча угля понизится, угольная промышленность не может впоследствии удовлетворить тех требований, которые пред'являются страной. Каменноугольная промышленность капиталистических стран: Германии, Англии, С. Штатов и пр., на том и основывается, что она создает целую систему подготовительных работ по добыче угля. Эти

подготовительные работы производятся из года в год и рассчитаны там на более или менее значительный промежуток времени.

В России этого почти не было. Промышленники Донецкого бассейна относились к подготовительным работам довольно легко, а особенно во время войны.

Во время войны общим требованием ко всем предприятиям было чтобы они дали как можно больше изделий, и при этом мало считались с тем, что получится впоследствии при такой системе работы. Такого же рода требования предъявлялись и к Донецкому бассейну. Правительство и военные организации требовали от него максимального напряжения в смысле снабжения всех нуждающихся органов и предприятий соответственным количеством угля. Все места, более или менее подготовленные для добычи угля, разрабатывались крайне интенсивно, но очень часто крайне нерационально. Подготовительные работы казались капиталистам в это время совершенно излишними, так как они требовали затраты капитала и могли принести известный доход лишь много времени спустя. Вследствие этого подготовительные работы производились в незначительной степени.

За время войны количество рабочих, занятых на шахтах Донецкого бассейна, значительно увеличилось, так как правительство требовало значительного увеличения добычи угля. Для того, чтобы удержать добычу бассейна на старом уровне или даже увеличить ее пришлось привлекать большое количество рабочих. Война отняла от угольной промышленности значительное количество опытных квалифицированных рабочих с рудников и шахт и разбросала их по фронту. Часть квалифицированных рабочих в Донецком бассейне была заменена военно-пленными, женщинами и подростками. Так, например, в январе 1916 г. общее количество рабочих Донецкого бассейна составляло 231.896 человек и в том числе было 24.202 военно-пленных, в декабре же этого года общее число рабочих составляло 291.397 ч. и военно-пленных было 75.164 ч. Вследствие этих изменений в среде пролетариата Донецкого бассейна добыча его не могла удержаться на старом уровне. И, действительно, мы видим, что средняя производительность одного рабочего в Донецком бассейне упала весьма значительно за время войны: в 1913 г. добыча угля на одного рабочего составляла 764 п., в 1914 г. 755 п., в 1915 г. 751 п., в 1916 г. 622 п., в 1917 г. она продолжала быстро падать, причем, по отдельным месяцам колебалась в пределах от 500 до 422 п., а в январе 1919 г. средняя добыча на одного рабочего составляла около 460 п. т. е. падение составляет почти 40%.

Такое падение производительности рабочих в Донецком бассейне старались об'яснить тем, что рабочие работали недостаточно интенсивно, что они ленились и не хотели дать всего того, что могли бы дать при надлежащем производстве. Причины падения производительности кроются гораздо глубже. Известное падение производительности труда имело бес-

спорно место, но оно обусловливалось в первую очередь недостатком продуктов питания, одежды и пр., но значительно большую роль здесь играли причины промышленного и производственнаго характера. Добыча бассейна неизбежно должна была падать, так как оборудование его и условия работы были крайне примитивны. Если в западно-европейских странах все внимание обращено на то, чтобы при добыче угля и крайне тяжелых подземных работах применять возможно большее количество машин и орудий, то в Донецком бассейне эти соображения имели место лишь в незначительной степени. Работы производились преимущественно в ручную, что сильно понижало общую добычу. Самые методы выработки в Донецком бассейне поставлены настолько примитивно, что они ни в коем случае не могут конкурировать с работой вестфальских, бельгийских, французских и английских шахт, и естественно добыча нашего рабочего во много раз ниже добычи француза, англичанина или немца.

Донецкий бассейн и до войны и во время ее был снабжен недостаточным количеством машин и орудий, необходимых для работы и этим отчасти об'ясняется низкая производительность его рабочих. В течение войны снабжение бассейна всеми необходимыми для его работы предметами производилось еще в меньшей степени, и потому положение его должно было ухудшаться с каждым днем. В связи с этим падает и производительность рабочих. Крайне отрицательное влияние на добычу отдельных рабочих оказало привлечение к работам огромного количества женщин, детей и подростков, к которой они не были приспособлены, и естественно не могли приспособиться.

В таких условиях работал бассейн до тех пор, пока не разразилась февральская революция. Добыча угля в бассейне все это время держалась приблизительно на одном и том же уровне, и только в 1918 г. замечается резкое падение добычи.

IV. Вывоз угля из Донецкаго бассейна.

Вывоз угля тоже держался приблизительно на одном и том же уровне, причем Донецкая промышленность снабжала своим углем, как уже указывалось, всю территорию России.

До войны известное количество угля, около 400 милл. п. ежегодно, поступало в порты балтийского моря, причем этот уголь ввозился главным образом из Англии и Германии. Война прекратила поступление угля из этих стран, между тем в Петербурге существовала широко развитая промышленность, игравшая для войны особенно серьезное значение. Металлическая промышленность Петербурга являлась почти решающей для войны, а между тем она не может совершенно работать, если не будет в достаточном количестве снабжена углем. Часть угля для Петербургской промышленности поступала из за границы. Военные условия

помешали ввозу чего бы то ни было, пришлось ограничиваться только тем углем, который имеется въ стране.

Из Донецкого бассейна всегда вывозилось, по крайней мере, 60% его добычи, причем этот уголь шел для железных дорог, фабрик и заводов. Проследим вывоз Донецкого бассейна за годы, предшествовавшие войне, так как война, отрезывая иностранные рынки, совершенно меняет картину вывоза и направление угля. Вывоз угля из бассейна идет по другим направлениям, и потому старые данныя не могут считаться вполне характерными. В 1904 г. при общей добыче 804 милл. п. вывоз составлял 583 милл., п. из этого числа 179 милл. п. шло для жел. дорог и 404 милл. п. для прочих потребителей. В 1908 г. при добыче 1.115 милл. п. вывоз составлял 855 милл. п., причем для железных дорог шло 318 милл. п., а прочим потребителям 537 милл. п., в 1911 г. из 1.217 милл. п. 940 милл. п. было вывезено из пределов бассейна, 272 милл. п. пошло для жел. дорог и 678 милл. п. для прочих потребителей. За последний довоенный год-1913 г., при добыче 1.561 милл. п. было вывезено 1.197 милл. п., причем для железн. дорог пошло 320 милл. п. и 877 милл. п. для прочих потребителей. В 1914 г. вывоз составлял 1.265 милл. п., для жел. дорог пошло 383 милл. п. для металлургических заводов 143 милл. п., для сахарных заводов 55 милл. п., а для прочих потребителей 290 милл. п., всего 873 милл. п. Таким образом во время войны сохранились старые отношения: уголь для железных дорог составлял только часть общего вывоза около ¼ или ⅓, а остальное топливо все шло для фабрик и заводов. С течением времени, при известном падении производительности и расстройстве железных дорог, вывоз из Донецкого бассейна должен был неминуемо сократиться. В 1916 г. вывоз Донецкого бассейна составлял 1.361 милл. п., в 1917 г. уже только 1.034 милл. п., в 1918 г. 261 милл. п. За все предыдущие годы вывоз составлял не менее двух третей добычи, а в 1918 г. уже только половину, между тем как спрос России в целом должен был за это время еще увеличиться.

Все эти обстоятельства подготовляли то затруднительное положение, в котором находится в настоящее время советская Россия.

V. Бытовые особенности пролетариата и каменноугольных предприятий.

Пролетариат Донецкого бассейна отличается многими особенностями по сравнению с пролетариатом фабрично-заводских предприятий. Главную массу рабочих Донецкого бассейна составляют шахтеры и рабочие металлургических и металлообрабатывающих заводов. Шахтеры сравнительно слабо связаны с теми предприятиями, на которых они работают: они всегда уходили на полевые работы, оставляя на это время шахты. Это типичная их особенность. Они тесно связаны с деревней, и всегда стремились уйти на летние месяцы на родину. Вследствие этого каменно-угольные пред-

приятия юга России в довоенные годы испытывали серьезные затруднения. Рабочие летом уходили. Число их стремительно сокращалось и предприятия страдали от недостатка рабочих шахтеров. Достаточно взять отчет за какой-либо год, предшествовавший войне, чтобы увидеть как резко падало количество рабочих в летние месяцы, когда в деревнях приходилось реализовать урожай. Обычно в это время количество рабочих Донецкого бассейна сокращалось на 15%—20%. Как ни старались промышленники удержать рабочих на местах, им это не всегда удавалось. Только во время войны они установили более или менее постоянный кадр работников и удержании их на месте. В этом отношении решающую роль играла возможность привлечения рабочих к отбыванию воинской повинности, что являлось пугалом для рабочих-шахтеров и заставляло их оставаться на рудниках вопреки тем традициям, которые у них установились. Это обстоятельство имело своим последствием серьезное истощение рабочих, что понизило производительность их труда. Каменно-угольная промышленность Донецкого бассейна отличается некоторыми особенностями, которые об'ясняют стремление западно-европейского капитала к завоеванию бассейна руками деникинцев и других контрреволюционеров.

В 1912 г. общая добыча каменноугольных рудников 36 акционерных обществ составляла 806,78 милл. п. Из них на долю 25 акционерных обществ с почти исключительно иностранным капиталом падает 769,46 милл. п. или 95,4% общей добычи каменно-угольных акционерных обществ. В 1912 г., как уже указывалось, общая добыча бассейна составляла 1304 милл. п. угля и, таким образом, на акционерныя предприятия с иностранным капиталом приходится *около 70% общей добычи угля в Донецком бассейне.* Правления большинства этих акционерных предприятий находятся не в России, а за границей, в Бельгии, во Франции и пр. откуда они диктуют свои условия и проводят все, что им желательно. Иностранные капиталисты, которые руководили Донецкой каменно-угольной промышленностью, получали за довоенные годы весьма значительные доходы от этих предприятий. Так, например, доходность Екатериновского каменно-угольного промышленного Общества по отношению к основному капиталу в 1913 г. составляла 17%, Общества Южно-Русской каменной угольной промышленности—19,2%, Общества Брянских каменно-угольных копей—20,7%, Петровско-Марьевского Общества—26%, Общества Никитовских копей—10%, Екатерининских—30%, Прохоровских копей—6%, Государевобайрокских—17%. За время войны доходность всех этих предприятий возрасла в 2—3 раза и более, причем львиную долю военных и мирных доходов забрали себе иностранные капиталисты.

Неудивительно поэтому, что теперь они стремятся удержать во что бы то ни стало в своих руках Донецкий бассейн. В этом отношении играет *исключительную роль* их желание сохранить те громадные прибыли, которые они получали и которые в 2—3—4 раза превышали доходность таких же предприятий в Западной Европе.

В смысле снабжения углем Россия была сравнительно бедна. Добыча, которая производилась угольными предприятиями, оказывалась слишком незначительной по сравнению с тем, что требовалось для всей работы наших промышленных предприятий. В этом отношении решающая роль принадлежала капиталистам, которые не хотели допустить „чрезмерного усиления", как они говорили, работы промышленных предприятий. Фактически они удерживали добычу почти на одном, слишком к тому же низком уровне. При существовании капиталистического строя усиление добычи угля вызывало его удешевление, что было нежелательно для предпринимателей. Они считали необходимым держать ее на установленном им уровне, не давая возможности ей повышаться. В то же время они загребали колоссальные доходы.

Таким образом, они создали особую атмосферу угольного голода во всей стране, что впоследствии весьма отрицательно сказалось на судьбах войны.

VI. Положение пролетариата в Донецком бассейне.

Февральская революция 1917 г. в Петербурге и затем в других городах отразилась также и на положении Донецкого бассейна, вызвав в среде его рабочих революционное движение. Довоенные и военные условия в Донецком бассейне складывались исключительно неблагоприятно для рабочих. Рудники сравнительно далеко расположены друг от друга. Связь между рабочими, при целой системе полицейских мер, которые применялись в это время, была сравнительно весьма слабой. Рабочие организации могли создаваться лишь в самой незначительной степени, и связь между ними в дореволюционных условиях была крайне затруднительна. Этим пользовались капиталисты для усиленной эксплоатации рабочих и получения громадных прибылей. В Донецком бассейне до революции было революционное движение рабочих. Оно было направлено к увеличению заработной платы и сокращению неимоверно длинного, 12-часового рабочего дня, но при разрозненности и распыленности рабочих и при содействии полицейского аппарата капиталистам всякое движение заранее было обречено на неудачу. Рабочие не могли добиться ни повышения заработной платы, ни улучшения своего материального положения.

Февральская революция 1917 г. всколыхнула пролетарские массы Донецкого бассейна, и вызвала среди них определенное стремление организоваться, сплотиться и таким образом добиться того, к чему они стремились до революции.

Рабочие массы в Донецком бассейне предъявили капиталистам и промышленникам экономические требования, которые сводились к установлению весьма скромного по тогдашнему времени прожиточного минимума в 4 р. в день для чернорабочих и максимальной заработной платы в

12 р. для квалифицированных рабочих. Несмотря на скромность этих требований, союз каменноугольных промышленников категорически протестовал против них, утверждая, что малейшее повышение в заработной плате повлечет полный крах всей каменноугольной Донецкой промышленности. Вождем южно-русских капиталистов в это время был знаменитый и хорошо известный пролетариату фон Дитмар, председатель совета с'ездов горно-промышленников юга России, который утверждал в своих докладах, что чрезмерныя требования рабочих поглощают не только всю валовую доходность предприятий, но также и весь их основной капитал.

Несмотря на эти категорические заявления, рабочие каменноугольной промышленности не могли отказаться от своих требований, и настаивали на увеличении своих заработков, так как они не могли существовать на то, что им согласны были дать капиталисты и промышленники.

В своей борьбе за улучшение материального положения рабочим Донецкого бассейна пришлось считаться с двумя фактами. Много десятилетий тем существовал весьма сильный союз каменноугольных промышленников. Этой сплоченной организации пролетариат мог противопоставить сравнительно слабую и только тогда зарождающуюся организацию профессионального союза горно-рабочих, которые только начали учиться делу организации. Рабочим Донецкого бассейна пришлось столкнуться с тем, что капиталисты повели против них определенное наступление. Нигде противодействие капиталистов тем требованиям, которые выдвигал рабочий класс, не достигало такой степени и силы, как в Донецком бассейне.

После октябрьской революции 1917 года промышленники шаг за шагом старались подорвать промышленную жизнь бассейна и приостановить большинство заводов. В Донецком бассейне до этого капиталисты всеми силами противодействовали сокращению рабочего дня, созданию контрольных комиссий на заводах и пр., — словом они противились всем тем мерам, которые проводились пролетариатом в общерусском масштабе.

В Донецком бассейне отношения между технически-административным персоналом и рабочими особенно обострились. За время войны накопилась такая масса обид и такое море ненависти пролетариата, слабо организованного и мало культурного, что острая борьба была неизбежной. В Донецком бассейне происходили серьезные столкновения между рабочими и капиталистами и между рабочими и техническим персоналом, и они очень часто приводили к устранению их, вывозу на тачках мастеров и техников, к сбрасыванию в шахты, т.-е. к совершенно нецелесообразным шагам. Это вызывало реакцию и отпор со стороны с'езда горно-промышленников юга России, этой могущественной организации, сплотившей около 80—90% всей добычи бассейна. Члены этой организации были связаны взаимными обязательствами и определенной дисциплиной, в силу которой все они делали то, что считали нужным и целесообразным эта

их организация. Во время существования коалиционного правительства эта организация промышленников постоянно обращалась к правительству с настоятельными требованиями прислать карательные отряды для восстановления «порядка» в бассейне, чтобы раз навсегда разделаться с революционными требованиями рабочих, прекратить агитацию, ведущуюся среди них и пр. Во всех циркулярах и постановлениях, которые принимались организациями капиталистов Донецкого бассейна, мы находим предписания о борьбе *со всеми требованиями рабочих*. Так, например, Совет съездов горнопромышленников юга России обратился ко всем районным организациям с просьбой озаботиться о том, чтобы ни одно предприятие в отдельности не решало на местах вопроса об установлении рабочего контроля над производством, чтобы по этому поводу не было никаких соглашений с рабочими, так как вопрос этот должен быть разрешен только в общем масштабе. Горнопромышленники юга ухитрились на 9 месяцев затянуть разрешение вопроса о 8-ми-час. рабочем дне. Только 27 ноября 1917 г. было принято постановление о 8-ми-час. рабочем дне, причем и тогда еще промышленники протестовали, указывая на сокращение добычи. Каждый шаг промышленников регламентировался их организацией. Они принимали много постановлений и все они направлялись к тому, чтобы противодействовать требованиям рабочих. Та же организация предписывала единообразные действия во время всяких столкновений между рабочими и капиталистами. Она требовала по отношению к рабочим применения репрессий и коалиционное правительство колебалось и часто склонно было итти на серьезные уступки промышленникам. Горно-промышленники юга России выдвигали обвинение против рабочих, что они разваливают промышленность бассейна и окончательно губят ее. Для борьбы с этим они требовали уничтожения всех рабочих организаций, которые уже готовились заменить их и взять промышленность в свои руки в связи с приближающейся пролетарской диктатурой.

VII. Положение во времени Октябрьской революции.

К моменту октябрьской революции положение в Донецком бассейне особенно обострилось. С марта по октябрь рабочим не удалось добиться удовлетворения своих требований о повышении заработка и о признании за ними право контроля, в приеме на заводы и увольнении рабочих. Рабочим Донецкого бассейна не удалось даже частично осуществить всеобщего стремления к установлению рабочего контроля и пр. Напротив им даже угрожала опасность локаута. Столкновение между рабочими и капиталистами нарастало и становилось неизбежным. Промышленники великолепно понимали этот факт и стремились его учесть соответственным образом. Они понимали, что такого рода столкновение при неблагоприятных обстоятельствах может привести к переходу власти над промышленными предприятиями в руки пролетариата. Для того, чтобы противодей-

ствовать этому, они считали наиболее целесообразным предварительно развалить и дезорганизовать свои предприятия. Горнопромышленники юга России в первую очередь, а затем и все другие промышленники, понимали, что развал Донецкого бассейна, ударив по угольной промышленности, может повлечь за собой развал и всей вообще промышленности, может парализовать ее работу, и тем подорвать промышленную деятельность всей России. Они понимали, что *развал Донецкого бассейна на много лет приостановит российскую промышленность и принесет колоссальный вред всей стране в целом. Но им казалось, что сохранение в неприкосновенности власти капитала гораздо важнее, чем все прочие соображения*, и потому ими был дан негласный приказ по всем промышленным предприятиям, по всем каменноугольным шахтам ничего не делать для улучшения их положения и парализовать все стремления рабочих в этом направлении. Такая политика в каменноугольном бассейне, по мнению капиталистов, должна была привести к тому, *что рабочие пойдут на капитуляцию*. Прекращение добычи угля и особенно приостановке его вывоза в центр России к фабрикам и заводам или даже пониженный экспорт должны были вызвать развал этих предприятий и упадок их работы. С точки зрения капиталистов и промышленников самым удобным было приостановить угольные предприятия для того, чтобы таким образом *ударить по всему российскому пролетариату*.

Благодаря особой политике промышленников Донецкий бассейн как главный район по добыче угля, постепенно разваливался и это чувствовали все пролетарские организации и даже рядов рабочие. Назревала неизбежность открытой борьбы между трудом и капиталом, которая должна была произойти не в центре рабочей жизни, не в Петербурге и Москве, а в этом сравнительно отдаленном районе, который был организован сравнительно меньше, чем другие места и менее был подготовлен для этой борьбы. Русская революция складывалась таким образом, что пролетариат не мог выбирать условий и место борьбы, а ему приходилось принять ее в таких условиях, в каких это покажется более удобным, капиталистам и промышленникам. К моменту октябрьской революция открытая борьба для донецкаго бассейна стала совершенно неизбежной, и приближалась с каждым моментом. Коалиционное правительство командировало туда своего представителя, который должен был умиротворить стихию, но он уже ничего не мог сделать. В это время произошла октябрьская революция. Пролетариат Донецкаго бассейна встретил ее с восторгом и принял горячее участие во всех формах строительства, которое проводилось советской властью. В это время было устранено значительное количество капиталистов, и их предприятия были фактически национализированы теми органами пролетарской власти, которая создалась на местах. Органами правительственной власти в центре были национализированы лишь крупные предприятия, как Макеевское общество, Унион, Русско Бельгийское и некоторые другие.

VIII. Начало контр-революции в Донецком бассейне.

Вслед за октябрьской революцией начинается контрреволюция, которая как раз свила себе гнездо на юге России. Непосредственно после октябрьской революции проявляется „самостийность“ Украйны. На Украйне создается буржуазное правительство, так называемая, украинская директория, которая стремится к обособлению от остальной пролетарской России и самостоятельному существованию. Эта самостийность украинцев проявлялась еще раньше, во время керенщины, и тогда уже угрожала децентрализмом и распылением. Апетиты украинских самостийников были весьма значительны, и распространялись даже на донецкий бассейн. Они считали, что донецкий бассейн должен принадлежать полностью украинской буржуазной республике и ни в малейшей части не должен подчиняться советской России. Правительством Петлюры и Винниченко был опубликован целый ряд так называемых „универсалов“, из которых каждый пытался расширить границы самостийной Украйны. Украинские буржуазные и социал-соглашательские элементы приняли участие в брестских переговорах. Они предали интересы рабочих, демократии и России. Они заключили сепаратный мир с Германией, в силу которого они становились юридически совершенно самостоятельными. Воспользовавшись обстоятельствами, они захватывали почти полностью весь донецкий бассейн. Немцы в союзе с украинской буржуазией и съездом промышленников юга России решили использовать создавшуюся конъюнктуру подчинить Донецкий Бассейн своему влиянию и своему руководству. Они не считались с рамками договора, заключенной в Бресте, с границами советской России и буржуазной Украйны: они постарались захватить весь бассейн и подчинить его своему владычеству. Это была первая волна контрреволюции, которая прокатилась по донецкому бассейну. К этому времени жизнь его начала только налаживаться. Органы советской власти предпринимали шаги, отвечающие интересам пролетариата и вот в таких условиях пришло владычество немцев и буржуазии. Все организации, созданные на территории Донецкаго Бассейна, чисто пролетарского характера подверглись разгрому и уничтожению со стороны буржуазии. Промышленные предприятия, перешедшие в руки пролетариата и его органов, были возвращены, так называемым, „законным владельцам“, т. е. произошла *полная их денационализация*. Началось преследование рабочих организаций по всему Донецкому Бассейну. Не только партийные организации уничтожались немцами и буржуазией, но даже профессиональные союзы, которые с точки зрения капитала не могут считаться особенно зловредными. Капиталисты репрессиями старались восстановить все те права и привиллегии, которыми они обладали раньше, и в первую очередь вернуть себе предприятия и их доходы. Для этого они стремились свести на нет те завоевания, которые были сделаны рабочими в первый период революции: 8-ми часовой рабочий

день был уничтожен и вместо 12-ти часовых, коллективные договоры, заключенные раньше между рабочими и предпринимателями, были признаны недействительными; рабочие организации и заводские комитеты были упразднены,—словом, реставрация проводилась по всему фронту, и должна была восстановить все существовавшие раньше отношения. Все эти шаги буржуазии и промышленников имели определенные последствия для Донецкого бассейна. Добыча угля в нем по сравнению с 1917 г. упала приблизительно в 2 раза, и то же повторилось и по отношению всех других продуктов, добываемых в бассейне. Реставрация привела Донецкий бассейн к безработице пролетариата, так как закрылось большинство промышленных предприятий, и рабочие оказались в крайне затруднительном положении.

IX. Восстановление Советской Власти.

Потенциальные богатства Донецкого бассейна, как мы видели, колоссальны. Он обладает огромными запасами угля, которые могут обеспечить работу промышленности всей России в течение многих десятилетий. Эти каменно-угольные предприятия обслуживают прежде всего металлургические заводы, затем железные дороги и, наконец, все прочие предприятия и заводы. При восстановлении советского строя, при переходе власти к трудящимся и при условии устранения контрреволюционных выступлений, которые до сих пор продолжаются в бассейне и разваливают его, можно рассчитывать на то, что он усилить добычу угля до весьма значительных размеров. Если капиталисты и предприниматели рассчитывали на то, что им удастся довести добычу Донецкого бассейна до 2 миллиардов пудов в год, то во всяком случае не в меньшей степени могут и представители пролетариата рассчитывать на использование бассейна, который имеет неоспоримое значение для промышленности, как богатейший источник топлива.

Власть буржуазии и капиталистов продолжалась в Донецком бассейне до тех пор, пока они пользовались поддержкой со стороны германских оккупационных властей. В ноябре 1918 г. власть буржуазии в Германии была надломлена фактом революции, происшедшей в Берлине и других городах Германии. В связи с этим русская буржуазия почувствовала, что Донецкий бассейн ускользает из ее рук. Рабочие встрепенулись в надежде на то, что им удастся освободиться от ненавистной им власти буржуазии и капиталистов, в то же время началось приближение к району советских красных войск. Буржуазия учла трудность положения, учла что ей не удержаться на тех позициях, которые она занимала до сих пор. Она лишалась поддержки, которую до сих пор имела в виде вооруженных властей Германии, а на армию, созданную ею самой, буржуазия рассчитывать особенно не могла.

Советские войска наступали на Донецкий бассейн, на Харьков и целый ряд местностей, имеющих серьезное значение для нашей промышленности. В результате ряда боев им удалось занять часть Донецкого бассейна. В частности нашими войсками за время с января по май были заняты следующие угольные районы: Мариевский, Алмазный, Гришинский, Лисичанский, Славяно-сербский и Семикинский. Красная армия продвинулась вглубь бассейна, и следом за ней шли экономические организации, которые стремились к возможному восстановлению работы этих районов.

После прихода советской власти начала постепенно восстанавливаться их работа. В указанных 5 районах в январе было добыто 8.719.000 п., в феврале 11.819.000 п., в марте 11.152.000 п., в апреле 5.494.000 п. Это крайне незначительное количество, так как добыча тех же районов в 1917 г. составляла в среднем 38 мил. п. в месяц, а в 1918 году 14—15 мил. п. При сопоставлении добычи этих районов необходимо считаться с тем, что как раз через них прокатилась волна гражданской войны между буржуазией и рабочими. Количество рабочих, занятых на шахтах, сильно сократилось. Так например, во всем Донецком бассейне в январе месяце 1918 г. было 246.000 рабочих, а в декабре только 130.000 человек. Во время борьбы число рабочих в бассейне быстро уменьшалось. По сравнению с 1918 г. в занятых советской властью районах число рабочих сократилось ровно на половину. При таких условиях добыча угля не могла быть полной.

X. Работа экономических органов по организации промышленности.

Непосредственно вслед за советскими войсками пришли органы экономической власти, которые выдвинули на очередь дня вопрос об организации промышленности. Необходимо, и при этом учесть и использовать тот громадный опыт, который накопился в строительстве советской власти за истекшие 1½ года. Необходимо было учесть также и те чисто наглядные уроки, которые дали работы в остальной советской России. Необходимо было крайне осторожно подходить к вопросу о национализации каменноугольной промышленности. К этому вопросу нельзя было подходить только с точки зрения принципа.

Добыча угля в акционерных компаниях, и единоличных и мелких предприятиях, распределялась следующим образом: В 1902 г. на 90 акционерных компаний приходилось 86% добычи, остальная добыча приходилась на мелкие предприятия. В 1912 г. на 36 фирм приходилось 74,3% добычи угля. Подходя к национализации промышленности, прежде всего надо было говорить о национализации крупных промышленных предприятий, а не кустарных шахтенок, которые вела мелкие предприниматели, преимущественно крестьяне, собственными силами. Органы экономической власти, именно с этой точки зрения и подходили к национа-

низация рудников. Предполагалось произвести в ближайшее будущее национализацию 34 крупных предприятий с 25.500 рабочих, и в первую очередь пустить их в ход. Это были крупные предприятия капиталистического типа. Горный отдел Совнархоза не собирался затрагивать мелких предприятий, которые не могли играть серьезной роли для промышленной жизни. Учитывая все эти обстоятельства, советская власть подходила к вопросу о создании органов по управлению каменноугольными предприятиями. Предполагалось их об'единить в крупные производственные единицы, снабдить их мануфактурой, продовольствием и всем необходимым для работы.

XI. Связь Донецкого бассейна и Советской России.

То время, пока Донецкий бассейн был отрезан от остальной советской России, показало его колоссальное значение для всей промышленной жизни. В это время стало совершенно ясно, что без донецкого топлива остальная советская Россия может существовать, лишь испытывая колоссальнейшие затруднения. Лишенная Донецкого бассейна, Россия не получает угля и металла, этих основных элементов всякой промышленности, и вследствие этого, суживает до минимума программу работ всех заводов, понижает изготовление металлических изделий и всех прочих продуктов. В то же время выяснилась и для Донецкого бассейна невозможность существования вне связи с остальной советской Россией.

Под властью буржуазии, которая всегда считает себя исключительно хорошим организатором промышленности, умеющим наладить производственную жизнь страны, бассейн испытывал невероятные затруднения. Они проистекали, отчасти из факта *скрытой борьбы между рабочими и предпринимателями*. Отчасти из-за неполучения необходимых продуктов Донецкий бассейн не имел смазочных масел, осветительных продуктов, взрывчатых веществ, крепежного леса, необходимого для работы и пр.

По приблизительному подсчету только для 34 наиболее крупных предприятий, нужно было бы доставить свыше полутора миллиона аршин всевозможных тканей и других изделий для того, чтобы привести в порядок их жизнь. Для нормальной работы донецкого бассейна и добычи в $1^1/_2$ миллиардом пудов требуется около 70 вагонов крепежного и строительного леса, который может получить только из советской России. То же можно повторить и по отношению целого ряда машин, необходимых для работы района, взрывчатых веществ и всех прочих изделий, край не необходимых для работы.

Согласно норм, принятых в 1915 г., общее количество динамита необходимого для работы донецкого бассейна определялось в 8.500 п., но даже и это количество оказывалось недостаточным и его необходимо было увеличить почти вдвое дополнительным заказом заграницей. Для нормальной добычи бассейна в полтора миллиарда пудов требовалось около 15—17 тысяч

пудов динамита, между тем к моменту освобождения бассейна от власти буржуазии оказалось, что в бассейне имеется лишь крайне незначительное количество взрывчатых веществ. Этот недобор пришлось пополнить назначением и отправкой 7 вагонов динамита из центральной России, так как иначе работа освобожденного района не могла бы производиться.

Такая же картина повторилась и с шахтенными канатами. Без постоянной смены их невозможна нормальная работа, а их требуется громадное количество. По подсчетам в том же 1915 г. при нормальной работе бассейна необходимо было дать канаты в количестве около 450 штук весом в 25.000 п., причем отчасти их могли изготовлять русские заводы, и большинство должны были дать заграничные предприятия. По подсчетам с'езда горно-промышленников юга России для нужд всего Донецкого бассейна требуется 30.000 вагонов соснового леса, 20.000 вагонов дубового леса и еще 10.000 вагонов леса крупных сортов для криворожского бассейна.

К моменту освобождение 5 указанных районов, составлявших приблизительно около трети бассейна оказалось, что на Украйне и в ближайших к ней местах имеется около 4—5 тысяч вагонов крепежного и строительного леса, который сразу же и был направлен для работы в освобожденные местности. Этот пример лишний раз подтверждает, насколько необходимы *тесная связь между центральной советской Россией и Донецким бассейном.* Еще острее оказывается необходимым для бассейна снабжение его цилиндровым и машинным маслом, мазутом, бензином и керосином. Согласно минимальным подсчетам для нужд занятых районов бассейна требовалось около 6.000 п. цилиндрового масла, 9.000 п. машинного масла, 12.000 п., мазута, 6.000 п. бензина, 10.000 п. керосина. Наличные же запасы в районе составляли около 45000 п. всех этих сортов, т.-е. могли обеспечить работу на несколько недель. Бассейн существовать не мог и должен был в самом спешном порядке получить недостающее ему жидкое топливо под угрозой полного развала. Отсутствие этих материалов ставило бассейн и угольную промышленность в отчаянные условия. Необходимо было сразу же снабдить Донецкий бассейн всеми необходимыми материалами, так как иначе его предприятия не могли бы работать.

XII. Возобновление работы в бассейне и новая контрреволюция.

Советская власть, получив в свое распоряжение шахты и рабочих, оставшихся на своих местах и готовых приступить к работе, не могла бы пустить главных шахт в ход, за неимением достаточного количества технических приспособлений и средств. Все эти затруднения пришлось преодолеть. Перед советской властью встала необходимость работать в полуразрушенном бассейне, где хозяйничание буржуазии оставило тяжелые следы и последствия.

Трудно было работать в этих 5 районах, оставленных буржуазией, отчасти и потому, что эти районы находились в непосредственной близо-

ти к фронту, и все отголоски борьбы доносились туда очень быстро. Часть рабочих была разогнана еще при буржуазной власти и ушла в другие места, а часть, наиболее преданная пролетарскому делу, ушла на фронт. Приходится при этом учитывать и тот факт, что рабочие каменноугольных копей Донецкого бассейна тесно связаны с деревней, и раз они *туда ушли, то постарались уже не возвращаться, тем более, что власть буржуазии в Донецком бассейне не сулила ничего хорошего.* Многие из рабочих-шахтеров, предполагая, что военное счастье слишком переменчиво, опасались новой реставрации и вовращение буржуазии, которая постарается тогда расчелаться с рабочими за все то, что ими сделано. Несмотря на все эти причины, добыча в бассейны начала налаживаться и приходить в порядок. Она была еще крайне низкой, значительно ниже добычи прошлых лет но все таки кое-что работа шахт давала. Если бы не произошли внешние события, то советской власти удалось бы усилить добычу и постепенно ввести трудовую дисциплину, которая начала создаваться среди рабочих России и Донецкого бассейна, предварительно сильно организовать рабочих, создав крепкие их организации. Тогда можно было повести без колебаний работу бассейна, добиваясь конкретных и определенных результатов. Опять таки этим планам и предположениям не суждено было сбыться. Донецкий бассейн снова подвергается нападению со стороны нового врага—Деникина и тех армий, которые ему удалось организовать.

Это нападение носит еще более жестокий характер, чем все предыдущее. Буржуазия не щадила рабочих во время ее торжеств. Она жестоко расправилась с рабочими и партийными организациями за все ими сделанное. Нашествие Деникина отличается тем, что он не щадит всего рабочего населения, и как бы ставит своей целью его истребление, совершенно не считаясь с тем, какие это может иметь последствия. Теперь происходит уже разгром и истребление *не только рабочих коммунистов, но всех вообще рабочих за их принадлежность к рабочему классу.*

Рабочие оказывают отчаянное сопротивление новому нашествию и массами идут в красную армию, чтобы защищать Донецкий бассейн. Та часть рабочих, которая не хочет вмешиваться в гражданскую войну и предпочитает остаться вне ее, все же подвергается разгрому и уничтожению. В 1918 г. часть рабочих ушла с шахт и вернулась в деревню, но много рабочих все же остались на местах. После восстановления советской власти они снова приступили к работе. Деникинское нашествие совершенно уничтожает возможность восстановления работы в Донецком бассейне. Рабочие разгоняются по всем направлениям, а те, кто остается на местах, истребляются контр-революционерами и казаками без разбора. По отрывочным известиям, получаемым из Донецкого бассейна, часто получается такое положение, что на шахтах не остается совершенно рабочих, которые могли бы заняться работой у насосов, у вентиляторов и пр., а это может повести к полному развалу бассейна. В таких условиях прекращается

вентилирование шахт и водоотлив. Вследствие этого может произойти оползание и затопление выработок в шахт,—словом, такие разрушения, которых не удается быстро восстановить. Даже и с точки зрения буржуазии подобная деятельность—полная нелепость, но тем не менее никто не в силах приостановить этого процесса. Рабочие отчасти уходят в красную армию, понимая чем им грозит нашествие деникинцев, отчасти бегут из угрожаемых районов вместе с семьями, уходя в центральную Россию, даже если на новых местах им приходится голодать и сидеть без работы. Весь пролетариат, населявший до сих пор каменно-угольные копи Донецкого бассейна, бежит при наступлении Деникина, и за ним остается пустыня. Рабочие уходят на Урал, где открывается возможность работы на шахтах и в различных предприятиях. После устранения деникинской власти на Украине и Донецком бассейне крайне трудно будет восстановить работу.

После устранения власти буржуазии в начале 1919 года можно еще было рассчитывать, что удастся довести до конца это дело, но теперь после того, как на шахтах и рудниках похозяйничают деникинцы, положение может создаться прямо катастрофическое. При таких условиях Россия, после освобождения Донецкого бассейна и после устранения новых контр-революционных выступлений, известный промежуток времени будет испытывать значительные затруднения с углем. Если после падения власти буржуазии, которая все таки не разрушила и не уничтожила промышленных предприятий Донецкого бассейна, добыча угля в занятых советской властью районах составляла приблизительно треть нормального количества, то тем хуже будет положение тех же районов после того, как будет сломлена власть Деникина. Остальные две трети бассейна, которые все время пребывают под властью Деникина, влачат жалкое существование, ибо они при обостренной классовой борьбе, имеющей место в настоящее время, не могут считать себя вполне гарантированными с этой стороны. Между тем перед Донецким бассейном встает задача снабжения углем всей промышленности России, ее железных дорог и пр. При этом необходимо иметь в виду также и то, что Донецкий бассейн должен дать не то ничтожное количество угля, которое он давал раньше под властью буржуазии, когда капиталистами искусственно понижалась его добыча, а значительно больше. Судя по условиям залегания угля и по тем богатствам, которые имеются в Донецком бассейне можно полагать, что это вполне возможно, но прежде чем это будет достигнуто, пройдет много времени, вследствие того экономического и технического развала, который имеет там место.

XIII. Производство кокса и брикетов.

Как мы уже видели из предыдущего обзора, уголь Донецкого бассейна обслуживает почти все потребности России. В частности Донецкий бассейн должен также дать и такой необходимый продукт, как кокс и

брикеты. Оба эти продукта применяются главным образом в металлургической промышленности, с которой, благодаря-этому, угольная промышленность тесно связана.

О производстве кокса мы можем привести следующие данныя. Число коксовых печей в каменноугольных копях составляло 3628, причем общее производство кокса в этих печах в 1914 г. составляло 175 мил. пуд. На доменных заводах действовало 1518 коксовых печей и производство их составляло 89 мил. пуд. В дальнейшем работа коксовых печей понижалась и составила в 1916 г. во всех предприятиях Донецкого бассейна только 270 мил. п., в 1917 г.—213 мил. п. и в 1918 г.—43 мил. п., т. е. по сравнению с 1916 г. производство кокса понизилось на 85%. По сравнению с фабрикацией кокса в 1914 г. понижение составляет с 254 мил. до 43 мил. пуд., т. е. приблизительно в 6 раз. Значительно понизился также и вывоз кокса из района. В 1914 г. вывоз составлял 144 мил. п., в 1916 г.—151 мил. п., в 1917 г.—125 мил. п., в 1918 г.—27 мил. пуд., т. е. по сравнению с 1914 г. он понизился в 5 раз.

В таких условиях металлургические заводы Юга снабжались коксом заведомо в недостаточной степени, и могли работать лишь частично. В коксовых предприятиях приложение *находил опять таки иностранный капитал*, что об'ясняет тяготение заграничных капиталистов к завоеванию Донецкого бассейна и „освобождению его из под власти большевиков". Из указанных коксовых печей в каменно-угольных копях 3.156 печей принадлежат акционерным компаниям с исключительно иностранным капиталом и производство кокса на них составляет 153 милл. п. На остальные предприятия с иностранным и русским капиталом приходятся 472 печи с производством 17 милл. п., т. е. почти 90% производства кокса на каменно-угольных копях приходится на иностранный капитал и 10% на русский и иностранный капиталы. То же явление повторяется и в производстве кокса на доменных заводах: 1.038 печей принадлежат акционерным обществам с почти исключительно иностранным капиталом, что дает 66 милл. п. кокса и только треть этого количества дают остальные предприятия отчасти с иностранным и отчасти с русским капиталом.

Это обстоятельство лишний раз об'ясняет стремление капиталистов Запада захватить Донецкий бассейн в свои руки, так как они *слишком заинтересованы в подчинении его себе.*

Таким же продуктом, крайне важным для промышленности, являются и брикеты. Этот продукт изготовляется из угольной мелочи. Об изготовлении брикетов дает представление тот факт, что за 1914 г. изпределов Д. Б. их было вывезено 28 милл. пудов.

XIV. Побочные продукты.

Кроме того, коксование угля дает также целый ряд крайне важных и необходимых продуктов. Наши промышленники ю. а Р[illegible] не умели

еще в достаточной степени использовать всех возможностей, которые открывались перед ними, не умели еще в полной степени наладить получение этих, так называемых, побочных продуктов. Между тем в Западной Европе добыча их весьма распространилась, значительно увеличив доходность предприятий. В 1915 г. у нас был получен целый ряд побочных продуктов коксования, а именно, серно-кислый аммоний, бензол, креозот, нашатырный спирт, нафталин и антрацен, но это далеко еще не все, что может дать коксование. Значительное большинство заводов устроено у нас таким образом, что побочные продукты остаются совершенно неиспользованными. Немецкая коксовая промышленность обставляет свои предприятия особенно хорошо, и все продукты коксования там улавливаются. Кроме перечисленных продуктов в Германии получаются еще всевозможные смолы и кислоты, крайне необходимые для промышленных целей. Наши промышленники не утилизировали этих продуктов, и таким образом они теряли огромные богатства. Незадолго до войны у нас начали строить такие заводы, которые могли бы использовать побочные продукты коксования. Весьма удачный опыт в этом направлении был сделан немецкими предпринимателями на Кадьевских рудниках, однако, значительное большинство коксовых предприятий растрачивало напрасно огромные богатства. В Вестфальском районе в Германии нет ни одной коксовой печи, которая бы неиспользовала побочных продуктов, причем некоторые предприятия настолько высоко сумели поставить их добычу, что *стоимость их иногда даже покрывает все расходы по эксплоатации рудника*. Некоторые из рудников считают более выгодным вести коксование и использование побочных продуктов, чем продажу угля на рынок. Немецкая промышленность ставит дело таким образом, что она использовывает даже пары и газы, которые получаются при коксовании для прогревания котлов и печей, благодаря чему она экономит еще некоторое количество угля.

Как ни значительны те запасы угля, о которых мы говорили, но все же их слишком мало по сравнению с тем, что требуется для промышленности, особенно если принять во внимание все возможности ее развития. Поэтому необходимо относиться крайне осторожно и бережно к добыче угля и не растрачивать его напрасно, как он растрачивался до сих пор в капиталистической России. Вследствие этого выдвигается *настоятельная необходимость* не только использовать всю угольную мелочь для коксования и для получения брикетов, но также извлечь и собрать и все побочные продукты, получаемые во время этих процессов, учитывая их колоссальнейшую ценность. Например, в 1915 г. удалось получить 1.160,000 п. пека (угольных масел), 550,000 серно-кислого аммония, 280,000 бензола, 1 милл. п. креозота, 54,000 п. нашатырного спирта, 10,000 п. нафталина, 28,000 п. антрацена, причем производство этих продуктов дало значительное увеличение по сравнению с 1914 г., а именно в 1914 г. пека было получено около миллиона, бензола оно

125,000 п., креозота 60,000 п., нафтирного спирта 4,000 п., нафталина 2,000 п. и антрацена 12,000 п. и пр.

Один перечень этих продуктов показывает насколько велико их значение. Эти продукты находят широкое применение во всех отраслях нашей промышленности и жизни и главным образом в химической промышленности, где они играют исключительно серьезную роль. Поэтому то и выдвигается настоятельная необходимость при усиленном развитии нашей промышленности использовать в надлежащей степени эти побочные продукты. При старых отношениях газы со всеми этими веществами выпускались в трубу, и таким образом растрачивались миллионы ценнейших материалов, которые уже не могут быть восстановлены и теряются безвозвратно для промышленности.

XV. Железная руда.

Вторым продуктом, имеющим весьма серьезное значение для Донецкой и всей нашей промышленности, является руда, добыча которой сильно распространена в Донецком бассейне. Русская промышленность очень богата рудой: по геологическим подсчетам для международного конгресса в 1910 году запасы руды в России определяются в следующих цифрах: на Урале—281 милл. тонн, в средней России—800 милл. тонн, в Южной России—536 милл. тонн, в Царстве Польском—300 милл. тонн, на Кавказе—14 милл. тонн, в Киргизских степях—7 милл. тонн, в Восточной Сибири—14 милл. тонн и на Дальнем Востоке—6 милл. тонн. Все запасы руды в России составляют около 2-х миллиардов тонн. При этом необходимо еще отметить, что запасы в Сибири обследованы крайне неудовлетворительно и можно предполагать, что они значительно выше. Но даже из вышеприведенных цифр можно вывести заключение о том, что Донецкий бассейн играет *не маловажную роль в жизни страны, давая, по крайней мере, около 25% общих запасов руды.* Промышленность юга России отличается тем, что она значительно сконцентрирована и об'единена, благодаря чему на сравнительно небольшом количестве хорошо поставленных рудников добывается большое количество руды, чем напр. на Урале. В Кривом Рогу на юге России в 1913—1914 г. действовало 49 рудников с числом рабочих в 23½ тысячи и они давали добычу в 390 милл. пудов в год. В то же время на Урале работало 301 предприятие; по добыче руды там занято было 17.200 рабочих и добыча их составляла только 104 миллиона пудов.

О добыче руды в Донецком бассейне и о роли его в обще-русском производстве дают представление следующие цифры: в 1870 году общая добыча руды в России составляла 49 милл. пудов, в том числе на юг приходилось всего только 1,33 милл. пуд., на Урал—28½ милл., на Центральную Россию—8,74 милл. пудов и на Царство Польское—6,66 милл. пудов. Остальное распределялось между разными губерниями и Сибирью.

В 80-х годах добыча руды на юге России составляла 2,74 милл. пудов, на Урале 38,36 милл. пудов, центр почти остался на прежнем уровне и в Польше—9 милл. пудов. При общей добыче в 60 милл. пудов. В 1890 г. добыча юга возросла приблизительно в 10 раз, и составляла 23 милл. пудов, добыча Урала—56 милл. пудов из общей добычи в 106 милл. пудов. В 1900 году добыча юга составляла 210 милл. из 367 милл. обще-российской добычи, при чем на Урал приходилось всего только 101 милл. пудов Центральная же Россия в смысле добычи руды начала регрессировать. В 1906 году соответственные цифры составляли для юга России 219 милл., для Урала—74 милл., для центрального района—8¼, для Царства Польского—18 милл. при 321 милл. общей добычи. В 1910 году добыча юга составляла 260 милл., Урала—73, центра—7¾, Польши—10 милл. при общей добыче в 352 милл. В 1913 году добыча руды в России составляла 581 милл., которые распределились следующим образом: 420 милл. приходилось на юг России, 109 на Урал, 32 милл. на центр и 19 милл. на Царство Польское. Из общей добычи в 420 милл. пудов, приходившихся на юг России, 381 милл. пудов или 90,7% приходятся на акционерные предприятия, при чем в большинстве из них участвуют иностранные капиталы. Иностранные капиталисты принимают участие в 14-ти акционерных предприятиях, добыча которых в 1913 году составляла 367 милл. пудов или 87% общей добычи железной руды на юге России.

Добыча руды в Донецком бассейне распределяется между двумя районами: Криворожским и Керченским. На Криворожский район приходится 390 милл. пудов и на Керченский—29 милл. пудов. В Керченском бассейне вся добыча руды приходится на предприятия исключительно с иностранным капиталом. В Криворожском районе из указанных 390 милл. пудов только 82 милл. пудов приходится на предприятия с русскими и иностранными капиталами, все остальное добывают иностранцы.

На этом примере лишний раз подтверждается мысль о том, что иностранцам крайне важно захватить этот район, который представляет возможность широкой эксплуатации и использования природных богатств России.

В 1914 году добыча железной руды составляла 322 миллиона пудов. В 1915 году—347 милл. пудов, в 1916 году—350 милл. пудов, в 1917 году—232 милл. пудов и в 1918 году—22 милл. пудов.

В смысле добычи руды замечается сильное падение, прогрессирующее из года в год.

То же можно повторить относительно вывоза руды за военные годы. В 1914 году общий вывоз по железным дорогам составлял 281 милл. пудов железной руды, в 1915 году—266 милл. пудов, в 1916 году—321 милл., в 1917 году—207 милл., и в 1918 году—24 милл., т. е. вывоз руды и добыча ее упали приблизительно в 10 раз по сравнению с 1914 годом.

Здесь сказались те же причины, что и в падении добычи угля в Донецком бассейне, в первую очередь реставрация буржуазной власти в

районе. Она губила промышленность и развалила ее в полном смысле этого слова. Работа не могла производиться, так как буржуазия слишком усердно реставрировала старые отношения и уничтожила попутно даже возможность восстановления работ в промышленных предприятиях.

XVI. Металлургическая промышленность.

Руда, добываемая на рудниках Донецкого бассейна, идет главным образом для нужд металлургических заводов. Металлургия юга России имеет исключительное значение для всей нашей промышленности.

Донецкий бассейн, несмотря на его рудные богатства, начал развивать работу металлургических предприятий сравнительно поздно, только с 60-х годов прошлого столетия. В то время, как Уральский бассейн давно уже работал по выплавке металлов, юг России только робко попробовал вступить на этот путь. В 1862 году выплавка Урала составляла 10 милл. п., а выплавка юга России не превышала 8 т. п. С этого времени Донецкий бассейн быстро шагнул вперед. Уже в 1894 году из общего производства чугуна в 74 милл. п. на долю юга России приходится 27 милл., а на долю Урала только 33 милл. В 1900 году отношения складываются еще благоприятнее для юга России, а именно: из общей выплавки 174 милл. на долю юга России приходится 91 милл., а на долю Урала—50 милл., т. е. за 6 лет юг России превысил выплавку Урала почти вдвое. В 1910 году выплавка юга составляет 126 милл. п. и Урала—39 милл. из общей выплавки 185 милл., а в 1913 году из общей выплавки в 282 милл. п. на юг России приходится около 190 милл. и на Урал—56 миллионов.

В такой же степени увеличивалось количество акционерных компаний, действующих в южном районе. В 1869 году на юге России было всего одно акционерное предприятие с основным капиталом в 2 милл. р., а в 1913 году уже 18 акционерных предприятий с основным капиталом в 225 милл. рублей.

Громадное большинство из этих металлургических предприятий юга России принадлежит иностранному капиталу. Иностранцам принадлежат следующие металлургические предприятия: Новороссийское, Южно-Днепровское, Русско-Бельгийское, Макеевка, Константиновка, Криворожских железных руд, Русский Провиданс, Общество русских трубо-прокатных заводов, Ольховское, Донецкое, Краматорское и Торецкое. Основной капитал этих предприятий составляет 107 миллионов рублей. Производство их по данным 13-го года—127 милл. п. чугуна и 90 милл. п. готовых изделий, т.-е. 67% всего производства чугуна и 58% всего Южно-Русского производства готовых изделий находится в руках иностранного капитала.

В остальных 6 металлургических заводах: Брянское Общество, Таганрогское, Никополь-Мариупольское, Донецко-Юрьевское, Сулинский

завод и Гартман с основным капиталом в 118 милл. рублей и с производством в 58 милл. чугуна и 50 тысяч готовых изделий акции отчасти принадлежат русским предпринимателям, отчасти иностранцам, при чем последние имеют и в этих предприятиях значительное преобладание.

Согласно оффициальным отчетам, доходность заводов с исключительно иностранными капиталами выше, чем в предприятиях со смешанными капиталами. Отдельные общества по данным 1912-го и 1913-го годов можно подразделить на 3 категории: предприятия с большой прибылью, предприятия со средней прибылью и предприятия с незначительной прибылью. К первым принадлежат Южно-Русское Днепровское общество, прибыль которого составляла 57% Русских трубопрокатных заводов—53% и Русско-Бельгийское—28%, Краматорское—28%, Новороссийское—27%, Сулинский завод—21%, Константиновка—21½%. В среднем 34%. Ко второй категории средней доходности относятся следующие предприятия: Никополь-Мариупольское—20%, Донецкое—17%, Донецко-Юрьевское—19,9% и Русский Провиданс—16,5%, в среднем 18,3%, и, наконец, третья группа—мало доходные предприятия преимущественно со смешанными капиталами, это Брянский завод—14½, Таганрогский—12,7%, Гартман—10% и Криворожское Общество железных руд 9,7%, в среднем 11,7%. Интересно отметить, что за 2 операционных года 1912—1913 и 1913—1914 Южно-Русское Днепровское металлургическое общество получило чистой прибыли 17,24 милл. руб., что составляло 121% на основной капитал в 15 милл. рублей.

Так работали акционерные металлургические предприятия. Ясно, почему иностранные капиталисты так цепко держатся за юг России. Это для них золотое дно, за которое они должны держаться всеми силами, так как производство их слишком ценно, чтобы его можно было добровольно выпустить из своих рук.

О работе заводов юга России дают представление следующие цифры, характеризующие выплавку чугуна на заводах.

1914 г.	159.932.388 пуд.
1915 г.	144.622.307 „
1916 г.	176.300.000 „
1917 г.	125.000.000 „
1918 г.	17.000.200 „

Производство чугуна на южных заводах упало в 1918-м году приблизительно в 10 раз, по сравнению с предыдущими годами.

Южно-русская металлургическая промышленность изготовляла преимущественно высоко-качественные продукты, особенно необходимые для жел. дорог и для металлообрабатывающей промышленности. Здесь производились металлы следующих качеств: сортовое железо, листовое, балки, рельсы, бандажи, оси и пр. Капиталисты южно-русской металлургической промышленности одними из первых образовали могучий синдикат по производству и сбыту изделий заводов, так называемый синдикат «Продамета».

Этот синдикат сосредоточил в своих руках свыше 80% всего производства металла и диктовал монопольные условия всем потребителям металла.

Синдикат «Продамета» образовался в 1902 г. в целях торговли чугуном, сталью, железом и прочими металлами. Устав его сохранялся очень долго в тайне. Центральное правление находилось в Париже, при чем бельгийские и французские капиталисты составляли подавляющее большинство пайщиков этого синдиката. Насколько иностранный капитал подчинял себе Продамету, показывает следующий факт: Продамета сконцентрировала у себя все производство бандажей и осей, 80% производства рельс и, по крайней мере, 70 — 80% производства железа сортового или листового, при чем предприятия с исключительно бельгийскими и французскими капиталами поставляли для Продамета 51% железа сортового, 63% железа листового, 72% балок, 63% рельс, 58% бандажей и 55% осей. Предприятия с немецкими капиталами доставляли 17% сортового железа, 14% листового, 3% балок, 27½% бандажей и 32% осей. Предприятия с русскими, французскими и бельгийскими капиталами давали 22% железа сортового, 15% железа листового, 30% балок, 31% рельс, 14% бандажай и 30% осей.

Только 3 мелких предприятия с иностранно-русским капиталом (Сулинский завод, Беккер и Феникс) дали 8% сортового железа.

Иностранный капитал принимал большое участие в южно-русской промышленности. В частности в ней сильно заинтересованы бельгийцы и французы. Этим и об'ясняется непримиримость Франции и французского правительства по отношению к Советскому Правительству. Это совершенно понятно. Советское правительство отнимает у них капитал и их промышленные предприятия. Оно отнимает у них все доходы, которые у них имелись. В таких условиях ненависть капиталистов к Советской России *должна быть* особенно сильной.

Металлургическая промышленность юга России играла для нее исключительно серьезное значение, так как она давала металл почти для всей России. Другим источником металла, как известно, являлся Урал. Его производство сосредоточено на некоторых сортах металла, в частности на кровельном железе, которое составляло около 40 — 50% всего его производства. Урал совершенно не давал некоторых сортов металла, необходимых для паровозов и вагоно-строения и в этом отношении юг России служил для него дополнением.

К моменту начала войны металлургическая промышленность России находилась в совершенно особых условиях. Капиталисты, об'единенные в синдикат Продамета, считали, что для них наиболее выгодным является создание в России металлического голода. Они понимали, что *чем меньше металла будет на рынке, тем больше будет на него спрос*, тем более высокие цены можно будет назначить, и все время они придерживались этой тактики. Они искусственно понижали выпуск металла на рынок, несмотря на значительные богатства Донецкого бассейна и Урала и добились увеличения цен.

Один из наиболее талантливых представителей русского капитала Рябушинский во время войны, на с'ездах, собраниях и в газетах *публично обвинял Продамета в создании металлического голода*, что вызвало крайне тяжелое положение страны, и в конечном итоге привело к полному поражению России в мировой войне.

Чем дальше продолжалась война, тем труднее было справиться с вызванным ею развалом промышленности. Несмотря на то, что от промышленности требовали полного напряжения сил и энергии, она не могла справиться с теми задачами, которые возникли перед ней и *не могла дать того, что она должна была дать для войны.* В силу этого наши солдаты шли на фронт недостаточно вооруженными и терпели поражение за поражениями. Часть вины за поражения в войне падает на капиталистов и промышленников юга России, которые своей политикой создали настоящий металлический голод в стране.

XVII. Рабочие металлургии после Февральской Революции.

После первой февральской революции рабочим пришлось встретиться в металлургической промышленности с весьма организованным капиталом в большей степени, чем в какой либо другой отрасли нашей промышленности. Металлургическая промышленность представляет громадную силу. Союз металлургов юга России был столь сильным, что с ним приходилось серьезно считаться буржуазному правительству. Коалиционное правительство ввело в свой состав их представителей, поручая им заведывание серьезными хозяйственными функциями. В такой обстановке происходила борьба между рабочими металлургической промышленности и капиталистами.

Рабочие металлургических заводов отличаются тем от рабочих угольной промышленности юга, что они *тесно связаны с промышленностью.* Они не уходят на полевые работы, как шахтеры, не оставляют на известные промежутки своих предприятий. Даже во время реставрации буржуазной власти на Украине, когда давала себя чувствовать сильная безработица, *рабочие металлургических заводов не уходили, а оставались на своих местах ожидая благоприятной конъюнктуры.*

После февральской революции они столкнулись с организованными капиталистами, которые *не шли ни на какие уступки и собирались даже прибегнуть к организованному локауту рабочих.* В конце сентября или начале октября 1917 года, совет металлургов полагал ответить на стремление рабочих провести 8-ми часовой рабочий день немедленным закрытием предприятий. Точно таким же образом рекомендовал союз металлургов поступить в том случае, если рабочие допустят какие либо эксцессы по отношению к администрации завода. В металлургической промышленности Донецкого бассейна рабочие не столько вели наступление, сколько защищались от капиталистов. Металлурги юга России представляли из себя

колоссальную организованную силу; они могли вести наступление на рабочих, расчитывая на известный успех.

Предприятия их были высоко концентрированы: это преимущественно огромные заводы с тысячами рабочих, *в которых фактически уже подготовлена почва для национализации:* 19 металлургических заводов юга России давали от 75 до 80% всего производства металла.

Рабочие металлургических заводов в большей степени организованы и крепче спаяны друг с другом, чем рабочие угольных предприятий. Они выше и по своему культурному уровню и по организационным навыкам, чем остальной пролетариат Донецкого бассейна.

Как мы видели из приведенных выше цифр работа металлургии Донецкого бассейна упала после реставрации буржуазной власти. Действительно в 1917-м году средняя выплавка чугуна составляла около 18½ мил. пудов, изготовление полупродуктов 16 милл. пуд., и готовых продуктов— 13 мил. пуд. в месяц, а в 1918 г. вся добыча и выплавка металлургических заводов составляла только 17 мил. пудов, т. е. в среднем 1/13 нормального производства.

В это время для металлургических заводов юга России создалось крайне тяжелое положение. Пролетариат этих заводов мужественно переносил безработицу, которая возникла в результате буржуазной власти. Рабочие металлургических заводов не уходили, ожидая более благоприятной конъюнктуры. Они не расплылись, как остальные массы и ждали того момента, когда удастся возобновить работы. Да и уходить было некуда. Это коренной пролетариат, который не может уйти, так как уйти ему совершенно некуда. С деревней у него связей нет.

XIII. На металлургических заводах после восстановления Советской власти.

Положение на главнейших металлургических заводах к моменту восстановления советской власти представляется в следующем виде: огромный Днепровский завод должен был совершенно остановиться из-за недостатка топлива, а между тем он мог давать при нормальных условиях 25 мил. пуд. чугуна, причем нормально он изготовлял 3 мил. пудов бандажей, 1½ мил. пудов жел.-дорожных осей, 2 миллиона листового и кровельного железа, 10 мил. пудов рельс и сортового железа, 4 мил. пудов проволоки и 4 мил. пудов металлических изделий. Он имел богатый склад изделий, которые остались нереализованными до последнего времени. К моменту восстановления советской власти на нем было около 8 тыс. рабочих.

Такая же картина получилась и на Брянском заводе, который не мог работать при советской власти, так как не имел достаточного количества угля и руды. Для нормальных его работ требуется около миллиона пудов угля и 3-х мил. пудов кокса в месяц, каковых не было, и

подвезти их при такого рода разрухе было невозможно. При условии обеспечения этими предметами, он может дать около 2 мил. чугуна и соответственное количество изделий. В апреле на нем имелось около 4-х тысяч человек против нормальных 12-ти тысяч.

Завод Екатеринославский Шодуар работал все время при советской власти, при чем на нем было занято около тысячи человек, потребность в топливе составляет 300 тысяч пудов угля и 16 тыс. пуд. кокса. Тоже и Нижне-Днепровский завод Шодуар работал все время советской власти, при чем он может дать около 150 тысяч чугуна в месяц. Для работы ему необходимо 2.000 пудов угля. Занятых рабочих на нем около тысячи человек.

Завод Крамоторского металлического общества является одним из наиболее могучих заводов. Он может давать 9 мил. пудов чугуна и около 4 мил. пудов прокатных изделий в год. В отношении топлива он тоже обеспечен весьма неудовлетворительно. На нем занято около 4 тысяч человек.

Дружковский завод не работал в апреле месяце 1919 года. При полном ходе его работ он, требуя 30 мил. пудов угля, выпускал 12 мил. пудов чугуна, 13 мил. пуд. стали и 10 мил. пудов прокатного железа.

Донецко-Юрьевский металлический завод давал 13½ мил. пудов чугуна, 11½ милл. пудов полупродуктов и 9 мил. пудов прокатных изделий. Опять таки он обеспечен недостоточным количеством топлива, вследствие чего угрожает опасность гибели его доменных печей.

Торецкий завод стоял тоже из-за недостатка угля. Он может нормально дать 30 тысяч пудов стального литья, 5 тыс. чугунного литья, и 15 тыс. кованных изделий.

Все эти заводы юга России, как мы видим из этого краткого обзора, могут работать и дать очень много для промышленности. Однако они этого не дают, вследствие недостатка топлива. Рудой они все более или менее обеспечены; на них имеются значительные запасы металла, которых не удалось забрать за время буржуазной власти. Затруднительное положение южно-русских металлургических заводов еще усиливается тем, что они поставлены буржуазными владельцами их в критические финансовые условия. В течение многих месяцев, рабочие этих заводов не получали жалованья, и это создало крайне нервозное и приподнятое настроение. С момента восстановления советской власти пришлось дать крупные финансовые средства для их поддержки. С того же времени началось выкачивание тех запасов металла, которые имелись в бассейне, так как советская Россия *остро нуждается в металлах*. Необходимо получить металл, так как иначе угрожала полная остановка большинства металлических промышленных предприятий и железных дорог. Вследствие этого органы советской власти, посланные на Украйну, и в частности представители жел. дорог принялись за усиленный вывоз металла. Для одних железных дорог в течение марта и апреля этого года было вывезено свыше

1¼ мил. пудов различных металлов, которые были отправлены в различные места центральной России. Немногим меньше вывезли довольствующие органы для снабжения важнейших промышленных заводов. В бассейне после ухода советской власти остались значительные запасы металла на заводах. Там имеется несколько миллионов пудов чугуна и различных сортов металлов, что может быть крайне полезным для советской России.

XIX. Ближайшие перспективы металлургии юга.

При том развале, который создался в бассейне от всяких изменений, которые он испытывает в связи с передвижением войск в связи с отвлечением массы рабочих от нормальной работы, рассчитывать на быстрый пуск в ход металлургических заводов трудно. Они не получают топлива, и, по всей вероятности, еще не скоро получат его, так как главный удар Деникинской армии нанесен шахтам и заводам юга. Шахтеры Донецкого бассейна не скоро сумеют восстановить работу своих предприятий и снабдить наши заводы топливом. Вследствие этого большинство заводов не сможет восстановить своей работы.

Мы видели из предыдущего обзора, что важнейшие металл. заводы остановились из-за отсутствия топлива. В ближайшем будущем подвезти его нельзя и *судьба наших металлургических заводов не изменится.* Прежде всего необходимо наладить добычу топлива. Эти две отрасли промышленности так называемой тяжелой индустрии крайне тесно связаны друг с другом. Развал угольных шахт и предприятий влечет за собой развал металлургических заводов.

Судя по тем громадным запасам руды, которые имеются в Донецком бассейне, можно было бы развить сильную промышленность. Этого не допускали капиталисты при нормальных отношениях.

Достигнуть в настоящее время того уровня, на котором стояла наша промышленность до войны, будет трудно, так как внешние условия сильно этому мешают.

Только тогда, когда будет устранена власть деникинцев в Донецком бассейне, можно будет говорить об организации и работе нашей металлургической промышленности юга России.

XX. Добыча и утилизация марганцевой руды.

Третьим фактором, играющим весьма серьезную роль в промышленной жизни Донецкого бассейна, является марганцевая руда. Как известно, без марганца нельзя получить совершенно некоторых сортов стали.

В 1918 году, когда Донецкий бассейн был отрезан от остальной советской России, промышленность испытывала серьезные затруднения именно потому, что в ее распоряжении не было марганца. Вследствие

этого оказалось невозможным изготовлять целый ряд предметов и продуктов, необходимых для нашей промышленности. Приходилось пользоваться теми запасами марганцевой руды, которые были ввезены раньше из заграницы, а этого было слишком мало. В это время в нашем распоряжении был Урал и некоторые заводы центральной России: Сормовский, Коломенский и др., которые настоятельно требовали снабжения их марганцем, что оказывалось невозможным из-за отрезанности Донецкого бассейна

О роли и значении для России марганцевой промышленности Донецкого бассейна дают представление следующие цифры: в 1910 г. общая мировая добыча марганцевой руды составляла 122 милл. п. и в это время в России было добыто 44 милл. п. этой руды, т. е. около 30% всей мировой добычи.

Добыча марганцевой руды в России производится в 3-х районах: на Кавказе, в Никопольском районе и на Урале. Самые богатые залежи марганцевой руды имеются на Кавказе, но и запасы Никопольской руды не меньше.

Промышленность эта начала развиваться еще во второй половине 19 столетия и быстро пошла вперед. В 1885 г. вся добыча России составляла 12,4 милл. п., из которых на Кавказ приходится почти 10 милл., на Никопольский район 2,2 и на Урал—0,17. В 1905 г. общая добыча составляла 30 милл., причем она распределялась таким образом: ничтожное количество на Урале, 20 милл. на Кавказе и около 10 милл. п. в Никопольском районе. В 1912 г. общая добыча марганца составляла 50 милл., которые распределялись между 3-мя районами: Кавказ—35 милл., Никопольский район—14½ милл. п. и Урал—0,20 милл. п.

Таким образом, Никопольский район хотя и добывал марганца меньше, чем Кавказ, но во всяком случае, роль его не является ничтожной. В дальнейшем марганцевая промышленность Донецкого бассейна развивалась: в 1914 г. добыча ее составляла 14½ милл. п., в 1915 г.—13.995 тыс. п., т. е. она держалась почти на старом уровне. Добыча марганца тоже была захвачена иностранными капиталистами, например, в Никопольском районе существовало общество Пироляюзин, которое принадлежало германским капиталистам и сосредоточивало у себя 50% добычи всего района. В 1912 г. это общество добыло 6½ милл. п., Южно-Русское Днепровское Общество, раньше принадлежавшее бельгийцам—4¼ милл. п. и Никополь-Марпупольское Общество—с французским капиталом—добыло 2,4 милл. п. и таким образом только 1½ милл. п. приходятся на единоличные предприятия, в которых принимают участие русские капиталисты и иностранцы.

Без марганца существование металлургической промышленности невозможно; так же, как она невозможна без угля и железной руды. Раз это так, то Никопольский район должен составлять неотделимую часть нашей Южно-Русской Металлургической промышленности, с которой он связан тысячами нитей.

XXI. Флюсы и другие рудные богатства.

Не меньшее значение для промышленности, и в частности для металлургии, на которой базируется вся наша промышленность юга России, имеет снабжение флюсами. По данным 1915 г. было перевезено около 80 милл. п. флюсов по железным дорогам юга России. В 1914 г. перевозка флюсов составляла 97 милл. п. С того времени наблюдаются известные колебания в работе бассейна. В 1916 г. добыча флюсов составляет 132 милл. и перевезено было 116 милл. п., но уже в следующем году—в 1917 г. добыча составляет 90 милл. п., провоз—81 милл. п., а в 1918 г. добыча составляет 7 милл. п., а провоз $8^1/_2$ милл. п. Таким образом добыча упала, по сравнению с 1916 г., почти в 20 раз; вывоз уменьшился почти в такой же степени. В это время вывозились запасы, которые необходимы были, как основной капитал. При таких условиях наша промышленность будет испытывать и в этом отношении известные затруднения.

Район богат еще целым рядом других необходимых руд; в частности в 1915 г. добыто свыше $1^1/_2$ милл. пуд. ртути, 74.000 пуд. графита и свыше 150.000 п. серного колчедана.

Все эти элементы имеют огромное значение для промышленности: серный колчедан идет на изготовление серной кислоты, графит употребляется в незначительной части для изготовления карандашей и в гораздо большей степени, как огнеупорный материал, и, наконец, ртуть играет серьезную роль в качестве медицинского средства, кроме того его препараты находят применение в целом ряде необходимых предметов и изделий.

При работах в угольных предприятиях получается целый ряд побочных продуктов, так напр., добывается: доломит, песчаник, известняк и т. п., о добыче их в Донецком бассейне можно судить по следующим цифрам: в 1915 г. было добыто гипса 134 тыс. пуд., глины около 4,2 милл. п., в том числе огнеупорной 2,7 милл. п., гранита около 2 милл. п., доломита около 5 милл. п., известняка 66 милл. п., кварца—2 милл. и т. д. Это все продукты, которые имеют серьезное значение для тех или других сторон нашей промышленности. В громадном большинстве эти материалы, добываемые в виде побочных продуктов, употребляются для металлургии. Такие же горные породы встречаются и в других местах России, но там не начата их разработка, и если даже она начинается, то,—сразу не может быть поставлена в таких размерах, как в Донецком бассейне. Большинство из этих пород применяется в качестве составных элементов при металлургических процессах и потому должно быть связано с металлургической промышленностью во избежание значительных расходов по перевозке их с места на место.

XXII. Запасы соли и других богатств.

Еще одним богатством Донецкаго бассейна являются залежи соли. О роли Донецкого бассейна в общей добыче соли дают представление следующие цифры. По данным 1913 г, добыча поваренной соли в Росспи распределяется следующим образом: Донецкий бассейн дает 32% всей добычи соли, Астраханская губ.—25%, Пермская—17,7%, Крым—15%, Туркестан и Закаспийская область—2,8%, Оренбургский край — 2,4%, Сибирь — 1,7%, Одесский район — 1,6%, Кавказ — 1,3%, Царство Польское и север России — около 0,3% из общего количества 118 милл. пуд., т. е. главным местом добычи соли является Донецкий бассейн, дающий около 1/3 ее. На 2-м месте стоит астраханская соль, которая тоже в настоящее время находится вне сферы нашего влияния

В Донецком бассейне имеются 2 места добычи соли, а именно: Славянск и Бахмут.

Добыча соли в Бахмутском округе составляла в 1913 г. 29,7 милл. п., или 24% всей добычи поваренной соли в России и около 90% добычи каменной соли. В Бахмутском уезде по добыче соли действовали в 1915 г. 6 фирм на 7-ми рудниках. В Славянске работало 36 солеваренных заводов и было выварено около 10 милл. пуд. соли. В 1915 г. из бассейна было вывезено 32,2 милл. п. соли. В 1916 г. было добыто 56 милл. пуд., в 1917 г.—43 милл., в 1918 г.—15 милл, т. е. добыча уменьшилась по сравнению с прошлыми годами в 3—4 раза. Этим падением в добыче отчасти и об'ясняется соляной кризис, который испытывает наша деревня в течение уже почти двух лет.

Если угольные и металлургические богатства Донецкого бассейна выяснены в более или менее достаточной степени, то целый ряд богатств, в частности различные металлы, имеющиеся в тех или других породах, с точностью еще не определены и не изучены. По отзывам геологов, породы, добываемые в шахтах и не служившие непосредственными объектами разработки, богаты золотом, медью, серебром и другими металлами, изучение их дает очень много промышленности.

Развить промышленность бассейна и поставить ее на значительную, высоту вполне возможно. Условия залегания угля и связь его с рудою и тем самым с металлургическими заводами делает эту мысль вполне осуществимой.

XXIII. Металлообрабатывающая промышленность.

В Донецком бассейне развилась и богатая промышленность по обработке металла. Существует целый ряд заводов, которые работали до нашествия Деникина, несмотря на значительные затруднения. В Донецком бассейне возникли такие большие заводы, как Донецкий завод штампования, занятый, главным образом, по изготовлению деталей для подвиж-

ного состава; завод Гантке — изготовляющий трубы, болты, гайки, костыли, гвозди и пр. В Харькове имеется машиностроительный и чугунный завод Алексеевых, оборудованный для производства токарных и сверлильных станков, насосов, шкивов и разных чугунных отливок. Завод тех же Алексеевых при с. Григоровке, близь Харькова, приспособленный для производства 1000—1200 вагонеток в месяц, завод Геллерт и Пульс, машиностроительный завод Дитмара, приспособленный для изготовления насосов, буровых инструментов, разных машин, землечерпалок, паровых котлов, станков, рудничных ламп и т. п. Механический завод Ополчина, завод Микулицкого, разные чугунно-литейные механические заводы, завод для изготовления рудничных ламп Радлича, который может дать свыше 1200 ламп в месяц, паровозостроительный завод Карпова, приспособленный для изготовления вагонов и паровозов почти с 4 тыс. рабочих. Там же существует целый ряд машиностроительных заводов, отчасти являющихся подсобными для металлургической и горной промышленности, отчасти же предназначенных для постройки и ремонта паровозов, вагонов и изготовления сельско-хозяйственных машин. Так, в Александровске имеется завод Иофана, изготовляющий плуги, буккеры, жатки, сеялки, веялки и пр., завод Гуровича, изготовляющий соломорезки и буккеры, машиностроительный завод Леп и Вальха, главным образом изготовляющий сельско-хозяйственные машины; завод земледельческих машин и орудий Анонимного Общества в Мариуполе и Екатеринославе, которые могут изготовить значительное количество жаток, плугов, сортировок, соломорезок и пр. Заводы Конф, Кацен и Зильберберг и пр. и, наконец, огромный Харьковский паровозостроительный завод. Машиностроительные заводы давали за довоенные годы около 50—60% сельско-хозяйственных машин, изготовленных в России. Все эти заводы и предприятия страдали под властью Советской Республики от того, что они не были снабжены в достаточной степени металлами и углем, главным образом последним, вследствие чего они не могли вести в надлежащих размерах своего производства.

XXIV. Потенциальные богатства Донецкого бассейна.

В промышленном отношении Донецкий бассейн является крайне богатым районом; он не уступает крупным заграничным промышленным районам, например, Вестфальскому угольному району. Его работе препятствовало только то обстоятельство, что наша техника в до-военное и военные годы стояла чрезвычайно низко по сравнению с техникой Западной Европы. Промышленность России основывалась главным образом на эксплоатации рабочей силы. У нас не применялось почти технических машин и усовершенствований. Это делало работу крайне затруднительной.

В промышленном отношении Донецкий бассейн является богатейшим районом для промышленности. Действительно, его богатства огромны и

бесспорны. Запасы угля составляют по подсчету геологов, свыше 55 миллиардов тонн, т. е. свыше 3.300 миллиардов пудов, что может обезпечить при темпе работы до-военных лет и даже при увеличении ее, работу почти в течение 100 лет. Запасы железных руд в южной России составляют 536 милл. тонн, т.-е. свыше 32 миллиардов пудов. По подчетам специалистов металлургов геологов Донецкий бассейн может дать 233 милл. тонн готового металла, т.-е. 13 миллиардов пудов. Принимая производство бассейна за 250 милл. пуд. в год, мы получаем, что наш Донецкий бассейн при старом темпе работы может обезпечить производство на 40—50 лет. Это—огромные запасы, которые смело могут конкурировать с запасами Западной Европы. При оценке промышленной силы Донецкого бассейна приходится принимать во внимание и крайне удачное расположение его богатств — здесь уголь находится в непосредственной близости к железным и марганцевым рудам и ко всем побочным продуктам, необходимым для производства. Это создает сильный базис промышленности.

Донецкий бассейн кормил в полном смысле слова всю нашу промышленность металлом и углем. Если бы владельцы заводов не играли все время на понижение темпа работы угольных и металлургических предприятий, то угольная и металлургическая промышленность и прежде могла бы развиться еще в гораздо большей степени. Угольные предприятия разрабатываются отчасти кустарным способом, но львиную часть добычи дают крупные капиталистические предприятия, которые охватывают почти 80—90% всей добычи угля.

XXV. Пролетариат Донецкого бассейна в революциях.

В Донецком бассейне имеются прочные кадры пролетариата, связанного с производством и исключительно занятого в нем. Этот пролетариат крепко спаян с промышленностью, богат квалифицированными рабочими, которые составляют крайне ценный элемент для промышленности. Донецкий бассейн принимал активное участие в политической жизни в 1905 г., когда его рабочие откликнулись живо на революцию. Тогда ему приходилось вести борьбу на 2 фронта: с одной стороны—это была чисто политическая борьба с представителями центральной и местной власти, которые, находясь далеко от центров административной жизни, в глуши рудников и шахт, позволяли себе все, что угодно; с другой стороны — приходилось вести непрестанную борьбу с великолепно организованными капиталистами, которые уже тогда обладали могучей организацией, диктующей свои предписания, свои указания отдельным шахтам, рудникам и металлургическим предприятиям. Последующие годы для пролетариата Донецкого бассейна были такими же тяжелыми, как и для остального пролетариата. Через него прошла волна таких же преследований, какие имели место и в других частях России. Годы реакции после первой революции были тяжелыми годами испытаний для Донецких

пролетариев, особенно во время войны. Нигде легко не жилось русским рабочим за это время, но в Донецком бассейне гнет капиталистов, промышленников и администрации был еще сильнее, чем в других местах России. Казалось, что их совместным усилиям удалось убить инициативу и энергию в среде Донецкого пролетариата. Значительную часть коренного рабочего населения промышленникам удалось заменить при помощи военнопленных, женщин и детей, наиболее активных и энергичных рабочих удалось сдать в солдаты, и таким образом было создано кажущееся спокойствие во всем районе. Однако жизнь бурлила под непроницаемым покровом.

Пришла революция 1917 г. Она освободила пролетариат из под гнета правительства, но мало изменила его экономическое положение. Власть буржуазии — власть наиболее активной, энергичной и жадной буржуазии, в полной степени сохранилась. Эти элементы боролись с пролетариатом в течение 8 месяцев, после кажущегося торжества идей революции. К октябрю 1917 г. они готовили огромный локаут, который должен был охватить всех пролетариев Донецкого бассейна, лишить их работы и заставить их отказаться от творческой работы, проводимой ими. Рабочие Донецкого бассейна чутко восприняли лозунги русской революции. Они создали рудничные и заводские комитеты, создали профессиональные союзы и другие организации, об'единили весь пролетариат и старались сплотить его в дружную, крепкую семью. Именно эти завоевания и эту творческую работу промышленники и капиталисты старались всячески уничтожить. Они старались разбить те организации, которые были созданы в процессе революции, так как они мешали им осуществлять в полной степени ту их диктатуру, к которой они стремились.

XXVI. Сельско-хозяйственное богатство бассейна.

Донецкий бассейн явился одним из наиболее активных защитников идеалов пролетарской революции. Как мы видели из предыдущего обзора, Донецкий бассейн является огромным источником угля, металла и всевозможных других продуктов. Кроме того он имеет весьма серьезное значение также и для сельского хозяйства. В состав его входят 3 губернии: Екатеринославская, Харьковская и Донская область.

В этих 3-х губерниях посевная площадь по данным 1911—1915 г. составляет 1.450.000 десятин, занятых озимой рожью, 340.000 дес.—озимой пшеницей, 23.000—яровой ржи, около 4 милл. десятин яровой пшеницей, 1.800.000 десятин ячменя, около 40.000 дес. гречихи, свыше 200.000 дес. проса, 125.000 дес. кукурузы, 10.000 дес. гороха, 6.000 дес. чечевицы, $1^1/_2$ мил. десятин овса. Итого под посевами различных культур находилось 10.600.000 дес. Кроме того под картофелем было около 200.000 дес., под льном—25.000 дес. и под коноплей—около 30.000 дес.

Ежегодный сбор хлебов в этих губерниях составлял за эти нормальные годы (1911—1915 г.г.) в среднем озимой ржи 68 милл. пуд., озимой пше

ницы 20 милл. пуд., яровой ржи—860.000 пуд., яровой пшеницы—200.000.000 пуд., ячменя—130.000 пуд., гречихи—1.800 000 п., проса около 9 милл. пуд., кукурузы 9.200.000 п., гороха 400.000 п., чечевицы около 200.000 п., овса около 33 милл. пуд. Итого всех хлебов в среднем ежегодно собиралось свыше 480.000.000 пуд., кроме того урожай картофеля давал 77 милл. п., льна около 1.000.000 п., конопли свыше 1.000.000 п.

Таким образом и в сельско-хозяйственном отношении этот район представляется крайне богатым. В 1911—15 г. было собрано пеньки 1.300.000 пуд., подсолнуха при посевной площади в 86 тыс. дес. было собрано $5^1/_2$ милл. пуд.

Следующими продуктами сельского хозяйства, играющими серьезную роль для промышленности, является табак, свекловица и пр. На территории Екатеринославской губ. было 44 плантации табаку с общим сбором в 37 тыс. пуд., в Харьковск. 1824 план. на 58 тыс. дес. земли с сбором в 10.677 пуд. и в Донецком бассейне 4 плантации с сбором в 510 пудов.

В 1915 г. в одной только Харьковской губ. было 28 сахарно-рафинадных заводов, имевших в своем распоряжении плантации сахарной свекловицы на пространстве около 80.000 дес. Чистый сбор свекловицы составлял 9.674.733 берковца. От работы их в том же 1915 г. было получего сахару-рафинаду 850 тыс. п., сахару белого $13^1/_2$ мил. п. и патоки 5 тыс. пуд. Приведенные данные, хотя и относятся к началу войны, но характеризуют полнее всего положение этих важных отраслей хозяйственной жизни в то время, когда они не подвергались еще каким либо серьезным изменениям.

В этих губерниях юга России развито разведение винограда и виноделие. В Харьковской и Екатеринославской губерниях и в Донской области площадь под виноградниками составляет свыше 12 тыс. дес., причем сбор винограда достигает 2 милл. пудов. В связи с этим в области широко развито винокурение. В 1914—1915 г.г. на территории рассматриваемых 3-х губерний существовало 59 заводов с общей площадью около 40.000 дес. земли, причем от этой работы было получено 3.750.000 ведер спирта в 40° крепости. Здесь же, по данным 1914 г., было развито пивоварение, давшее на 63 заводах около $3^1/_2$ милл. ведер пива. Таким образом мы видим; что важнейшие отрасли промышленности и сельского хозяйства сильно развиты в этих районах. По статистическим данным нормального времени 1914—15 г.г. на территории этих губерний было 2.211.147 шт. крупного рогатого скота, 2.754.592 овец, 3.143.330 коз и 1.455.532 свиней.

XXVII. Борьба мирового империализма за Донецкий бассейн.

Донецкий бассейн богат и в промышленном и в сельско-хозяйственном отношении. Промышленность его может кормиться при помощи тех богатств, которые имеются в деревне, и наоборот, деревня может получать

очень много от той промышленности, которая развилась в районе. Неудивительно, что такие условия крайне благоприятствуют промышленности и ее развитию. Они очень удобны для работы капитала, и неудивительно, что туда стремится иностранный капитал.

Из предыдущего обзора мы видели, какое громадное значение имеет иностранный капитал для Донецкого бассейна. Он является громадным источником сырья и топлива, который подвергается нападению со стороны всех заинтересованных и так или иначе в исходе этой войны.

Мировая Война 1914—1918 г.г. велась за обладание источниками сырья и топлива. Это бесспорное положение, которое не нуждается в каких-нибудь новых доказательствах. Донецкий бассейн был вовлечен в эту борьбу. После победы октябрьской революции он стал об'ектом борьбы иностранных капиталистов за обладание им. После заключения брестского мира, германские империалисты стремились захватить Донецкий бассейн и использовать его для себя и для своих нужд, извлекая из него уголь, металл, марганцевую руду и пр. для потребностей своей промышленности. Германская революция в ноябре 1918 г. сокрушила германский империализм в формах, угрожавших нашему существованию, но это не освободило Донецкого бассейна от натиска на него империалистов других стран. С этого момента он стал об'ектом завоеваний для французских и английских капиталистов, которые стремятся изо всех сил к его захвату. Отношение их к нашему основному базису промышленности является совершенно понятным: они вложили громадные капиталы в работу этого района; доходность его настолько значительна, что они не хотят отказаться добровольно от него. При известном промышленном оскудении всех стран Европы, при развале угольной промышленности, при недостатке рабочих во всех отраслях экономической жизни Западной Европы,—совершенно понятно стремление капиталистов захватить и использовать Донецкий бассейн, который представляет колоссальные богатства. Они готовы вступить в самую ожесточенную борьбу за обладание этим районом. Политическая кон'юнктура сложилась таким образом, что Донецкий бассейн прошел через руки германской оккупации, которая в силу изменившихся обстоятельств должна была уступить свое место Англии и Франции. Эти последние оказались настолько умными и предусмотрительными, что начали действовать не при помощи своих собственных отрядов, а оказали активную поддержку нашей российской контрреволюции. Политические отношения таковы, *что по соседству с нашим богатейшим источником сырья и топлива находится место, отличающееся многими бытовыми особенностями экономической жизни*, занятое казачеством.

В силу целого ряда особых причин казачеством пользуются разные вожди контр-революции, Корнилов, Каледин, Деникин и т. п. Казачество является опорой старого строя, стремящегося к реставрации капиталистического общества. Российская контр-революция, *реставрируя свои места*

оседлости, естественно сталкивается с нашим Донецким бассейном и стремится к его захвату.

XXVIII. Донецкий бассейн и промышленность Советской России.

Положение создается совершенно невероятное. Один из наиболее промышленных районов России подвергается постоянным нападениям со стороны контр-революции и ее союзников и никак не может принять участия в общем строительстве экономической жизни. Сначала им владели немцы и украинская буржуазия, затем он переходит в руки англо-французов и деникинской контр-революции. Каждый из этих переходов является ударом по нашей промышленности. В тот период, пока Донецкий бассейн находился вне сферы нашего влияния, шахты, заводы и предприятия Советской России испытывали огромные затруднения. Как известно, часть наших железных дорог всегда снабжалась каменным углем. Теперь этого угля дороги не получают и должны естественно переходить на всякие другие виды топлива, в частности на дрова. Наши заводы и промышленные предприятия не получают угля и это заставляет их закрываться или искать других видов топлива. Наша текстильная промышленность, например, испытывает значительные затруднения и вынуждена работать на 50% и еще меньше исключительно только потому, что она не получает угля и других видов топлива. Неполучение металла понижает ремонт паровозов и вагонов и подрывает возможность постройки новых единиц. Наши паровозостроительные и вагоностроительные заводы в первом полугодии 1919 г. дали только 35% производства 1917 года, а это сильно бьет по нашему транспорту и нашей промышленности. Металлообрабатывающие и сельско-хозяйственные заводы должны работать, удовлетворяя лишь часть—20—25% пред'являемого к ним спроса. Русская деревня не получает всего для нее необходимого, так как главнейшие заводы, играющие первостепенную роль в деле снабжения ее всем необходимым, могут работать лишь в самой незначительной степени. Сельско-хозяйственные заводы Донецкого бассейна и Украйны, как известно, в довоенное время давали до 50% всех машин, изготовляемых в России. Теперь их работа прекратилась совершенно, по крайней мере, для Советской России и они не дают ничего нашему крестьянству.

XXIX. Необходимость освобождения Донецкого бассейна.

Деревня не получает от заводов разных сортов железа и металла, гвоздей, проволоки, железных изделий и т. п. Она не получает даже соли, залежи которой имеются в том же Донецком бассейне. Неполучение всех этих продуктов, необходимых для нормальной жизни деревни, порождает антагонизм между городским населением и деревенским. Деревня считает, что она обижена городом, так как она дает очень много городскому

населению в виде продуктов питания, а взамен фактически ничего не получает. Контр-революция, руководимая царскими генералами и буржуазией, знает, что делает: лишая нас Донецкого бассейна, она бьет по *экономическим основам нашего существования* и подрывает силу Советской власти. Донецкий бассейн является настолько серьезным составным элементом в жизни нашей страны, *что без него положительно нельзя существовать*. Без угля, металла, металлических изделий, соли и пр. ни одна страна не может существовать. Из всех местностей, которые принадлежат Советской России, Донецкий бассейн является единственным, который сосредоточивает в себе все эти элементы, взаимно дополняющие друг друга и позволяющие развить широкую промышленную работу.

Вторым районом, который может явиться таким же серьезным местом работы, является Урал, но, к сожалению, он не расположен так удобно, как Донецкий бассейн. Урал лишен угольного топлива, и принужден для работы металлургических заводов утилизировать свои леса, что является чисто хищническим недопустимым способом ведения хозяйства.

Донецкий бассейн, необходимый Советской России, может существовать только в том случае, когда он будет находиться в ее полном владении и *когда его работа экономически будет дополнять работу всей остальной советской России*. Если Донецкий бассейн останется в руках деникинцев, или других представителей контр-революции, органы советской власти не смогут удовлетворить даже части тех требований, которые предъявляются к промышленности и к городу со стороны широких масс населения. Советская Россия не может существовать без Донецкого бассейна—это такая бесспорная истина, в которой постепенно убеждается каждый крестьянин и рабочий, живущий в пределах советской России. Они испытывают на себе все трудности от неполучения угля, кокса, металла, бороны, плуга, соли и т. п. Деревня беднеет из-за неполучения всех этих продуктов.

XXX. Меры, усилению промышленности бассейна.

В нормальных условиях советская власть приступила бы уже давно к поднятию и развитию этого бассейна. Все органы советской власти отлично понимают, что добыча бассейна и выплавка металла, производимые в старых рамках дореволюционного времени, недостаточны, что необходимо в значительной степени усилить добычу этих продуктов. Страна разорена войной, и в этих условиях необходимо увеличить, по крайней мере, в полтора—два раза добычу угля и выплавку металла для того, чтобы удовлетворить те требования, которые естественно встают в послевоенный период. Очень скоро после победы революции органы советской власти выдвинули ряд мер, которые должны были увеличить добычу, усилить вывоз угля и металла из района. В частности, были разработаны два плана, которые могли очень много сделать в этом отношении. Один из этих планов состоял в том, чтобы соединить каналом

Дон с Волгой и другой план—предполагал электрифицировать весь бассейн.

Первый план, т. е. соединение Дона с Волгой, дал бы возможность вывозить уголь по Дону, по каналам и, затем, по Волге, что в значительной степени удешевило бы стоимость провоза, облегчило бы его и связало центр и север России удобными, путями сообщения с местом добычи сырья и топлива.

Другой план состоял в том, чтобы построить районные электрические станции, работающие на движущейся силе водяной энергии, используется в частности работу Днепровских порогов. Это дало бы возможность снабдить район таким огромным количеством электрической энергии, что сразу же могла бы увеличиться добыча угольных копей. В то же время получилась бы громадная экономия в топливе, так как не приходилось бы сжигать угля под котлами в промышленных предприятиях.

Эти две меры могли бы поставить работу угольных и металлургических предприятий района на европейскую ногу, развить эту промышленность до крайних переделов, усилить добычу и выплавку металла, от недостатка которых страдала до сего времени наша промышленность. Но они в силу внешних причин оказались неосуществимыми.

XXXI. Новая волна контр-революции в Донецком бассейне.

Все наши предположения и грандиозные планы разбиваются, так как Донецкий бассейн становится об'ектом притязаний со стороны международной буржуазии и нашей контр-революции. На территории его разгорелась интенсивная борьба за его обладание. Советская Власть в этой борьбе может опираться на пролетариат России. В нормальное время на шахтах района было занято около 230—250 тыс. рабочих, на рудничных предприятиях занято было 30 тыс. рабочих, на металлургических заводах около 200 тыс., в соляной промышленности и других отраслях Донецкого бассейна было занято тоже не меньше 200.000—300.000 рабочих, т. е. мы имеем определенную силу в количестве около миллиона человек, на которую можно вполне опереться при общей работе. Теперь этот богатейший и исключительной для нас важности район подвергается ударам со стороны внешних врагов. Рабочие района не могут работать более или менее успешно, так как он является ареной борьбы между западно-европейским империализмом и их союзниками и пролетарской Советской Россией. Если в других местах тоже происходит борьба между пролетариатом и капитализмом, то здесь эта борьба вылилась в особые формы. Здесь она настолько обострилась, что ее нельзя даже сравнивать по жестокости с другими районами. Передвижения деникинцев уничтожают возможность существования рабочего класса: рабочие там беспощадно уничтожаются, в результате чего погибает наша промышленность. Это влечет за собой гибель громадного достояния и громадных богатств. Если

удастся в пределах Донецкого бассейна восстановить Советскую власть, то работу придется вести сначала, так как на месте фабрик и заводов останется пустое место. Промышленные предприятия могут работать лишь в то время, пока их работа не приостанавливается и не нарушается. Для деникинцев и их союзников Донецкий бассейн представляет известную экономическую ценность, *но не такую, как для остальной Советской России*. Использовать его без помощи иностранного капитала они совершенно не могут.

Советская Россия без промышленности Донецкого бассейна, без его угля, металла, руд и соли существовать не может, поэтому необходимо вернуть его и об'единить снова с остальной пролетарской Россией, которая нуждается в нем и в которой нуждается Донецкий бассейн. В борьбе за отвоевание Донецкого бассейна мы преследуем двоякого рода цели. С одной стороны чисто-экономическую: присоединение к нам этого важнейшего района, играющего чрезвычайно серьезное значение для нас, и с другой стороны—освобождение Донецкого пролетариата—этих сотен тысяч рабочих—из под гнета буржуазной и контр-революционной власти, которая приносит им восстановление двенадцатичасового рабочего дня и реставрацию старых отношений.

Донецкий пролетариат страдает потому, что его район расположен так, что он может подвергаться налетам со стороны царских генералов, русской буржуазии и иностранных капиталистов. Злое дело этих элементов уже сделано. Беспрерывная борьба, которая ведется уже в течение двух лет на территории Донецкого бассейна, сильно его разорила: большинство его предприятий приостановилось, шахты добывают лишь треть того, что они добывали в 1917 г., металлургические и металлообрабатывающие заводы дают и того меньше. Восстановить его жизнь можно будет лишь много времени спустя после того, как он будет освобожден из под власти контр-революционных элементов и постоянных налетчиков. Лишь с этого момента можно будет приступить к медленному восстановлению нашей промышленности в Донецком бассейне. Прежде всего необходимо будет приступить к восстановлению работ важнейших промышленных предприятий и лишь потом, с течением времени, к осуществлению указанных выше планов—электрофикации и постройке Волжско-Донецкого канала.

XXXII. Торговля Донецкого бассейна.

Донецкий бассейн расположен исключительно благоприятно. Он соприкасается с гаванями Азовского и Черного морей. В его пределах находятся такие важные порты как Ростов, Новороссийск и пр.

Экономический расцвет Ростова об'ясняется крайне выгодным его положением у устья Дона. Он представляет из себя великолепное место сообщения между Черным и Азовским морями и внутренней Россией. Ростов является узлом нескольких железных дорог: Владикавказской, Екатерининской и Юго-Восточных и положение его, как центра вывоз-

ной торговли, чрезвычайно благоприятное. Он имеет важное значение, как торговый пункт. Торговля Ростова в несколько раз превышает его индустриальную деятельность. В его торговле первое место занимают предприятия, торгующие сельско-хозяйственными продуктами и дающими почти половину всего годового торгового оборота. Ростов, кроме хлеба, торгует железом, табаком, сахаром, канатами, фруктами, овощами, грибами и пр. Среди хлебных грузов, вывозимых из Ростова, преобладающее значение принадлежит пшенице, которая привозится в Ростов по железным дорогам из разных мест Донской области и вывозилась в довоенное время исключительно за границу. Туда же привозились самые разнообразные продукты и изделия, добываемые в пределах района. Сюда шли, например, овес, жмыхи, сахар, рыба и грибные продукты, железо, лесные и строительные материалы и пр. Кроме того, через Ростов шли большие количества каменного угля и кокса, которые поступали главным образом рельсовым путем из Донецкого бассейна и вывозились каботажным путем в порты Черного и Азовского морей. Чугун, железо, сталь и жесть привозились в небольшом количестве по жел. дор. из Екатеринослава, Грушевки, Мариуполя, Юзовки, Луганска, Бахмута, Екатеринбурга и пр., причем опять-таки вывоз их шел заграницу. Таким образом Ростов, как один из центров Донецкого бассейна, играет интенсивную роль в торговле.

Не меньшее значение Новороссийска. Его торговый оборот в 4 раза больше его промышленных оборотов, хотя и последние не представляют из себя ничтожной единицы. В Новороссийске развита промышленность цементная, металлургическая и нефтеперегонная. Главным образом, он торговал хлебом и разными побочными продуктами. Через него проходил также табак, нефть, цемент, а также железо, чугун и пр.

Эти города связывают Донецкий бассейн с остальной Европой.

XXXIII. Донецкий бассейн должен быть советским.

Если бы отношения сложились нормально и мы получили возможность развить в Донецком бассейне в надлежащих размерах добычу угля, металла, марганца, соли и пр., если бы мы имели возможность производить всю ту работу, которая намечалась, если бы нам дали возможность произвести те грандиозные работы, которые были поставлены советской властью в первые моменты создания этой власти, то тогда мы могли бы быть совершенно спокойны за наше будущее. Мы могли бы снабжать всю страну огромными запасами угля и металла и кроме того значительные излишки вывозить за границу.

Богатейшим местом добычи является Донецкий бассейн. Он морскими путями связывается с заграницей. Из него можно вывозить значительное количество материалов и запасов, так как эти пути сообщения исключительно благоприятны. На пути к осуществлению этих наших начинаний и проектов неизменно встает одно и то же зло: мы сталки-

ваемся с активным противодействием помещиков, капиталистов, контр-революции и антанты.

Для нашей экономической и промышленной работы Донецкий бассейн имеет исключительно серьезное значение: без него существовать мы не можем, оставить его в сфере влияния контр-революции мы тоже не можем и не должны. Нам приходилось уже указывать, что промышленность Донецкого бассейна, как таковая, не может играть для контр-революции особо серьезного значения; развить там промышленности они не способны, как к этому было неспособно царское правительство. Если бы даже деникинцы и их союзники и укрепились в Донецком бассейне, они могли бы вести только хищническое хозяйство, они не развили бы промышленности и ничего не могли бы сделать для ее усиления. Органически они неспособны создавать и развивать промышленности. В этом отношении их судьба вполне определена. Но с другой стороны Донецкий бассейн необходим для нашей промышленности и для нашего существования. Мы должны его вырвать из рук тех элементов, которые владеют его богатствами, отчасти пользуются его производством во вред нам и истребляют рабочий класс.

В общих чертах таково значение для нас Донецкого бассейна. Все эти обстоятельства и факторы об'ясняют, почему мы ведем непрекращающуюся борьбу за его завоевание. Это основа и базис нашей промышленности, без которого мы существовать не можем. Мы должны вырвать его. Мысль о значении этого базиса для всей Советской России должна быть усвоена самыми широкими массами пролетариата и крестьянства. Наша сила в том и заключается, что весь пролетариат и значительная часть крестьянства *начинают понимать*, какое значение для нашей жизни и нашей работы имеет Донецкий бассейн и почему необходимо его вырвать из рук обладающей им временно контр-революции. Без завоевания Донецкого бассейна наша деревня останется без тех предметов обихода, которые ей необходимы. Чем дальше будет проникать власть деникинцев в Донецкий бассейн, чем дольше они там будут хозяйничать, тем наше положение будет становиться хуже, поэтому надо спешить. Надо спешить, чтобы Донецкий бассейн с его огромными, колоссальными естественными богатствами перешел как можно скорее из рук врагов рабочего класса в руки пролетарского советского правительства.

Р. Арский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр
I.	Общие условия	1
II.	Запасы и добыча угля	1
III.	Работа Донецкого бассейна во время войны	6
IV.	Вывоз угля из Донецкого бассейна	8
V.	Бытовые особенности пролетариата каменноугольн. предприятий.	9
VI.	Положение пролетариата в Донецком бассейне	11
VII.	Положение ко времени Октябрской революции	13
VIII.	Начало контр-революции в Донецком бассейне	15
IX.	Восстановление Советской Власти	16
X.	Работа эконом. органов по организации промышленности	17
XI.	Связь Донецкого бассейна и Советская Россия	18
XII.	Возобн. работы в Донецком бассейне и новая контр-револ.	19
XIII.	Производство кокса и брикетов	21
XIV.	Побочные продукты	22
XV.	Железная руда	24
XVI.	Металлургическая промышленность	26
XVII.	Рабочие металлургии после февральской революции	29
XVIII.	На металлургических заводах после востановления Советской Власти	30
XIX.	Ближайшие перспективы металлургии Юга	32
XX.	Добыча и утилизация морганцевых руд	32
XXI.	Флюсы и другие рудные богатства	34
XXII.	Запасы соли и другие богатства	35
XXIII.	Металлообрабатывающая промышленность	35
XXIV.	Потенциальные богатства Донецкого бассейна	36
XXV.	Пролетариат Донецкого бассейна в революциях	37
XXVI.	Сельскохозяйственные богатства бассейна	38
XXVII.	Борьба мирового империализма за Донецкий бассейн	39
XXVIII.	Донецкий бассейн и промышленность Советской Росси	41
XXIX.	Необходимость освобождения Донецкого бассейна	41
XXX.	Меры к усилению промышленности бассейна	42
XXXI.	Новая волна контр-революции в Донецком бассейне	43
XXXI.	Торговля Донецкого бассейна	44
XXXIII.	Донецкий бассейн должен быть Советским	45

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 1983

7 р. 50 коп.

Склад издания

МОСКВА, Мясницкая 24.

Книжный склад

„Экономист".